

ДМИТРИЙ ЛИПСКЕРОВ

ПРОСТРАНСТВО ГОТЛИБА

Дмитрий Липскеров

Пространство Готлиба

OCR BiblioNet

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149043

Аннотация

В «Пространстве Готлиба» воспроизведены поиски своего "Я" между воображаемым прошлым и хрупким настоящим.

Главная тема романа – история любви двух инвалидов, Анны и Евгения, в силу обстоятельств вступивших в переписку. Верность и предательство, страстная любовь и лютая ненависть, мечты о счастье и горькое отчаяние, уход от суровой реальности в спасительную мистификацию сплелись в этом виртуальном романе с неожиданным и непредсказуемым финалом.

Содержание

ПИСЬМО ПЕРВОЕ	4
ПИСЬМО ВТОРОЕ	7
ПИСЬМО ТРЕТЬЕ	11
ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ	17
ПИСЬМО ПЯТОЕ	29
ПИСЬМО ШЕСТОЕ	34
ПИСЬМО СЕДЬМОЕ	52
ПИСЬМО ВОСЬМОЕ	92
Конец ознакомительного фрагмента.	113

ПРОСТРАНСТВО ГОТЛИБА Дмитрий ЛИПСКЕРОВ

Все в твоих руках

*Огромная благодарность Джозефу Лиокумовичу
за поддержку в работе над книгой*

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

**Отправлено 11-го октября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4
Евгению Молокану.**

Скорее всего, вы так и не отважились написать мне первым. Существует, конечно, малая вероятность того, что конверт с письмом затерялся где-нибудь по пути, завалившись под стол в каком-то мелком почтовом отделении... При нашей встрече вы говорили, что никогда не писали писем, за исключением писем к своей матери, да и то в нежном возрасте – с просьбой выслать небольшое количество денег на нужды пионера-повесы, прозябающего в летнем лагере без сигарет и фруктового портвейна. Также вы откровенно поведали, что испытываете некий мистический ужас перед чи-

стым листом бумаги и, когда сидите над ним, ощущаете себя "неполноценным". Я специально взяла слово неполноценный в кавычки, так как оно произнесено вами и я бы совсем не хотела, чтобы вы в самом начале нашей переписки обиделись.

На самом деле белизны бумаги бояться не стоит. Это то же самое, что нервничать перед девственницей. Вам не двадцать лет, а потому отбросьте комплексы и – вперед! Неуверенность в этом деле только помеха! Знайте, сомнения могут погубить взрослого мужчину. Громадный опыт самца может оказаться бесполезным перед юной и непорочной девой... Попробуйте купить пачку мелованной бумаги и положите на письменный стол так, чтобы видеть ее, увесистую, большую часть времени. Еще лучше, если вы вытянете из пачки один лист наполовину, так, чтобы он торчал и как бы приманивал вас своей непорочностью, как бы провоцировал своим острым уголком пачкануть по нему красными чернилами.

Совершенно не важно, что вы никогда не прибегали к эпистолярному жанру, дабы общаться с кем-то через тысячи верст. В этом деле начать никогда не поздно. Не поленитесь, выберите в какой-нибудь антикварный магазин и приобретите в нем дорогостоящий чернильный прибор. Он будет стоять на зеленом сукне вашего стола и черным мрамором пушкинских бакенбард напоминать о куче потраченных на бездарное приобретение денег. Тогда ваша рука непременно испытает желание обмакнуть в монблановские чернила ост-

ро отточенное гусиное перо и написать хотя бы бранное слово.

Поначалу, прошу вас, не стесняйтесь и пишите обо всем, что придет в голову! Начать можете хоть с биографических данных или про то, как в нашей первой столице протекает жизнь. Хотите – описывайте бредущих под вашими окнами пешеходов, выступление Президента или перескажите мне субботнюю эротическую программу! (Всегда корю себя за излишне острый язык, но надеюсь, что вы не из тех, кто придает этому чрезмерное значение.) В общем, пишите обо всем, к чему поведет мысль, к чему потянется рука. Мне интересно все то, что будет происходить от вас! Потратьте достаточное время на обдумывание, но не развращайте себя паузами больше недели, так как письмописание этого не любит и пальцы могут протечь мыслями в пустоту. С этими наставлениями прощаюсь и надеюсь в скором времени получить от вас любую весточку.

С уважением

Анна Веллер

P.S. Вкладываю в письмо конверт с моим обратным адресом.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

**Отправлено 29-го октября
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Уважаемая Анна!

Несколько дней мучился тем, как начать ответное письмо. Сначала я написал – многоуважаемая Анна, затем попробовал – здравствуйте, Анна, после написал – дорогая, еще просто – Аня, пишет вам... И так с десятков начал, пока не пришел к данному. Скорее всего, и оно нехорошее. Вы уж простите меня.

Воспользовался вашим советом и отправился в антикварный магазин. Их очень много в наших арбатских переулках. Есть и большие и маленькие. Но все они для туристов. Цены в них высокие, а по-настоящему хороших вещей мало. Я все же купил чернильный прибор. Продавец сказал, что он когда-то принадлежал Максиму Горькому, что из этой чернильницы писатель заправлял свою ручку-самописку и писал ею роман "Отчаяние". Думаю, что продавец врет, да и самописок, как мне кажется, тогда еще не было. Так или иначе, я купил прибор. Он оказался таким тяжелым, что пришлось вызванивать своего приятеля и просить помочь мне. Бычков, это фамилия моего приятеля, был очень удивлен, когда мы

втаскивали чугунную чернильницу в мою квартиру. Он все время спрашивал, зачем мне такая дорогая и бесполезная вещь, а я уходил от ответа. Бычков пытался мыслить логически и строил разные версии. Он говорил, что если я хочу написать книгу о своей жизни, то лучше купить несколько шариковых ручек, а не тратить четырнадцать рублей с половиной на такое неудобство, как чернильница. Хотя, конечно, у тебя много свободного времени, размышлял он далее, так что ты можешь позволить себе заправлять ручки чернилами, а потом часами отмываться от фиолета в ванной. Еще он сфантазировал такую версию, что я просто собрался коллекционировать антиквариат. Впрочем, Бычков эту мысль тут же отверг, оглядев мою не очень богато обставленную квартиру, хотя откуда он знает, может быть, я коплю.

По правде говоря, я уже было собрался вам писать сам, так как отыскал в портмоне ваш адрес, записанный мною на календарике за прошлый год, но тут получил письмо от вас.

Мне стало приятно, что вы обо мне вспомнили, так как сам я считал, что наша мимолетная встреча не обязывает нас вступать друг с другом в переписку.

Я на самом деле никогда не боялся чистой бумаги, вероятно, вы меня не так поняли, но, как вы и сказали, положил пачку бумаги на письменный стол, хотя он у меня не обит зеленым сукном, а просто полированный, вытащил из нее листик и старался смотреть на него в свободные минуты, силясь почувствовать желание написать на нем что-нибудь. Я

ждал три дня, но с моим организмом так ничего и не случилось, также я не почувствовал, что из моих пальцев протекает какая-то мысль, как вы красиво выразились, хотя фаланги порой теплели... Я подумал, что писать письмо можно и без сильного литературного желания, а потому перестал ждать вдохновения и сел за стол... Мой приятель Бычков оказался прав. Я весь измазался в чернилах и долгие часы отмывался в ванной с помощью пемзы, протерев ею кожу в одном месте даже до крови. Но так или иначе, я все же начал, и тому доказательство сейчас в ваших руках.

Прохожие под моими окнами ходят все более праздные, как я уже говорил – туристы и просто приезжие. Мне нравится, что у них веселые лица, что они с хорошим настроением слушают уличных музыкантов. А еще они кушают питу – это такая полая лепешка, типа грузинского лаваша, в которую кладут всякую всячину – кусочки курицы, мяса, листья салата и много репчатого лука.

Президента я считаю достойным человеком, хотя особенно не интересуюсь политикой, все больше смотрю по телевизору развлекательные передачи, в основном тринадцатого и двадцать пятого каналов. Я бы мог пересказать вам субботнюю эротическую программу, но вы оговорились, что пошутили, да и мастерства, чтобы описать эти вещи не пошло, у меня не хватило бы. Однако должен заметить, что сама передача достаточно высокого художественного уровня, так что проглядите ее на следующей неделе, если выдаться такая

ВОЗМОЖНОСТЬ.

Вот как бы и все. Я ответил на вопросы и постарался следовать вашим советам. В свою очередь жду вашего письма.

С уважением

Евгений Молокан

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

**Отправлено 9-го ноября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Дорогой Евгений!

Знали бы вы, как я обрадовалась вашему письму!.. Господи, конечно, глупость, но я даже растрогалась. Несколько минут тискала конверт в руках, оттягивая момент вскрытия... У меня есть такой специальный ножичек для вскрытия конвертов... Вернее, это не ножичек, а пилочка для ногтей из маникюрного набора, который мне подарили на давний день рождения. Пилка уже стерлась и не шлифует ногти, так что, по сути дела говоря, она уже превратилась в тупой ножичек, приспособленный мною для открывания конвертов. У этой пилочки столь красивая ручка, что, глядя на нее, я вспоминаю человека, который подарил мне этот маникюрный набор. Предчувствуя ваш вопрос, отвечаю, что да, это мужчина. Если быть более точной, это был мужчина, но его более нет на этом свете... Знаете, все же это удивительная вещь – ассоциативное мышление. Начала с ножичка для вскрытия конвертов, а вспомнила мертвеца.

Этим ножичком я распечатываю письма, адресованные только мне лично, но никогда официальную корреспонденцию – счета за квартиру, электричество, рекламную продук-

цию и т. д. Так что, получив ваше послание, я в первую очередь извлекла из шкафчика кожаный футляр, расстегнула на нем молнию и достала свой любимый ножик...

Евгений! Хочу сказать без особого преувеличения, что стиль вашего писания не так плох, как я представляла ранее. В вашем письме порой встречаются обороты, которые, если пока и не ласкают взгляда, но тем не менее приятны языку. Сейчас уже редко говорят – праздные прохожие, а словосочетание "отмываться от фиолета" и вовсе меня порадовало...

Совершенно не обязательно начинать со слов – "уважаемая" и тому подобных. В этой канцелярской сухости совершенно нет привлекательности. Куда более впечатляют нестандартные начала, к которым, я надеюсь, вы придете в самостоятельном поиске литературного труженика и исследователя. Может быть, вам в этом помогут классики. Читайте их, купайтесь в роскошных словесах гениальных выдумщиков и фантазеров! Заимствуйте идеи смело, стремитесь выразить их в своих словах, присущих только вам, но никому другому!

"Радость моя безмерная!.. Мой ангел!.. Здравствуй, женка моя ненаглядная!.."

Какая же безмерная прелесть в этих словах!

Странная вещь, почему-то после того, как я процитировала начала пушкинских писем, мне вспомнился вопрос, который я забыла вам задать в прошлый раз. Какой системы

коляской вы пользуетесь? Конечно, это странный перескок. Но ассоциативный ряд иной раз не поддается анализу на первый взгляд. Вероятнее всего, у Пушкина существует персонаж, который парализован и пользуется коляской. Вот он и всплыл в моем подсознании неожиданно. Хотя какие коляски во времена Пушкина. Глупость какая-то! Может быть, кресла на колесиках и существовали, но не коляски.

Конструкции же типа вашей мне ни разу не встречались. С одной стороны, замечательная штука – не применять мускульных усилий, а, нажав кнопочку, катиться себе по асфальтовой дорожке и потягивать из пластмассового стаканчика пепси-колу. Прогулки становятся продолжительными и приносят удовольствие. Но, возможно, аккумулятор, приводящий коляску в движение, потребляет большое количество энергии, что весьма отражается на счете за коммунальные услуги.

С другой стороны, есть преимущества и в обычном кресле-каталке, приводимом в движение собственными руками. Мышцы постоянно тренируются, а организм находится в хорошем тонусе... Но в сыкотную погоду ладони всегда грязны... К тому же они всегда в мозолях, а для женщины, согласитесь, окаменелости на руках – не самое лучшее украшение. И потом, пот...

Сообщите мне, пожалуйста, название вашей коляски!

Получила вчера письмо от Аси. Вы должны ее помнить. Это вялая особа пятидесяти лет, невероятных пельменных

размеров, которая отдыхала в нашем санатории. Вы сейчас удивитесь – она до сих пор там. Уже третий срок вышел, как я съела свой последний завтрак с чудесной рисовой кашей и мягкой булочкой, слегка подрумяненной в духовке, а у вас так и вовсе четвертый, а наша маленькая Ася все еще посещает массажные кабинеты, разминая тесто своих телес, надеясь превратить его из дрожжевого в песочное... Она описывает лишь один случай, происшедший с ней в санатории. В строках ее письма нет напряжения, словосочетания вялы, впрочем, как и сама Ася, а потому я коротко перескажу суть... Нашу милую коровушку положили отпаривать в ванну со всевозможными травами, она надышалась ими и заснула тут же, уложив голову на чугунный край ванны. Вода из крана текла тонкой струйкой, не давая травяному настою остыть, и своим журчанием уносила Асю в романтические сновидения о беззаботной любви с молодым бухгалтером, ласкающим ее плоть под струями водопада, что падает с вершины запруды, сооруженной в родном городке влюбленной парочки.

В самый ответственный момент Асиного сновидения, когда крик сладострастия зародился в ее необъятной груди, когда бедра-жернова колыхнули настоем из дурманящих трав, истопник Ройтман прибавил давление в центральном бойлере и в трудовом порыве за считанные минуты перекидал в жерло топки грузовик каменного угля, пришедший накануне... Вместо пика наслаждения ошпаренная хлынув-

шим из крана кипятком, Ася вылетела в коридор, где своей очереди на процедуры ждала группа шахтеров из Донецка. Ошарашив угледобытчиков обнаженным роскошеством своих форм, Ася промчалась по коридору, ведущему к бассейну, и атомной бомбой бросилась в его прохладные воды... Основные жалобы в письме Аси сводятся не к тому, что ее ошпарили, а к тому, что теперь донецкие шахтеры, стоит ей появиться в столовой, раздевают нашу Дюймовочку своими вождедеющими глазками догола, а вечерами шумно дышат в темноте кинозала, рассевшись возле нее со всех сторон.

Ася спрашивает совета: что делать с шахтерами?..

Евгений, если вам не трудно, вышлите мне свою фотографию, буде таковая имеется. Я хочу поставить ее на письменном столе и, пища к вам, видеть глаза человека, к которому обращаюсь в своих посланиях.

Да, что касается просмотра эротических программ – то у меня нет телевизора и вместо него я смотрю в окно, наблюдая мир, не заключенный в рамки художественного осмысления. Телевизор отсутствует не по причине материальных затруднений, а по убеждению. Магический ящик ущемляет свободу наших мыслительных процессов, подменяя оригинальную способность мыслить мыслительными процессами других людей, причем сформированными под влиянием того же магического ящика.

На мой взгляд, Асе нужно выйти замуж. Может быть, ей посоветовать выбрать суженого из работников горной про-

мышленности? Как вы думаете?

Ужасно смеялась, представив вас с ног до головы в чернилах, как вы пемзой трете кожу.

Вы абсолютно правы, что писать можно и без литературной тяги, зачастую случается так, что удовольствие приходит в процессе, рождаемое движениями руки, если она поспешает за мыслью и верно отражает ее на бумаге.

Очень хочется побывать на Арбате и посмотреть, как он изменился, ведь я не была в Москве уже двенадцать лет, с тех пор, как провалилась попытка перевести Россию на Метрическую систему... Пита – это, верно, очень вкусная штука, и теперь, когда я буду вспоминать Арбат, мне будет представляться и лепешка с курицей. Ах, как хорошо ее с кетчупом!

На этой вкусной ноте заканчиваю письмо, заклеиваю его и поспешу, насколько это возможно в моем состоянии, на почту, к вечерней выемке писем.

С уважением

Анна Веллер

P.S. Не забудьте написать мне, что вы думаете про Асю.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

**Отправлено 14-го ноября
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Милостивая государыня!

Отправляю вам письмо с началом, которое, смею надеяться, вас полностью удовлетворит, хотя оно и заимствовано у вашего кумира. Получив от вас предыдущее письмо, тотчас сел писать ответ, так как в последние дни со мною произошли происшествия, кои не терпится пересказать.

Первое – пропал мой товарищ Бычков. Накануне мы ездили с ним в Коломенское. У Бычкова есть японский микроавтобус, который он выменял на коллекцию марок, оставленную в наследство отцом. Я спрашивал его: зачем тебе микроавтобус? У тебя ведь нет семьи!

– Тебя возить на прогулки, – отвечал Бычков. – Мне с тобой интересно общаться. И потом, зачем мне марки? Куда как лучше микроавтобус. Да и семья у меня может появиться вот-вот.

– Есть претендентка? – спросил я.

– Нет. Но есть на нее предчувствие.

В общем, отправились мы с Бычковым в Коломенское. Не знаю, как у вас в Санкт-Петербурге, а у нас в Москве осень

стоит золотая. Лист на деревьях радует глаз. Бордовый, желтый, красный – он слетает под ноги, объявляя свое не унылое, но смиренное умирание.

– Вот так вот и мы, Евгений, – объявил Бычков. – Вот так вот и мы слетим когда-нибудь в небытие.

Обычно Бычков никогда не был склонен к философским заявлениям, из чего я заключил, что он действительно хочет найти себе женщину. Если у мужчины все в порядке в личной жизни, вряд ли он станет задумываться о небытии.

– Дыши, Евгений, полной грудью, пока возможность есть! Бычков развел руками и вздохнул навстречу осеннему солнцу.

– Ах, как хорошо-о! – протянул он в пространство. – Какие погоды стоят очаровательные! Надо же, восемнадцать градусов в ноябре!

Бычков стянул с себя свитер, бросил его на спинку моей коляски и пробежал вперед по шуршащим листьям несколько шагов.

– Тепло! Хорошо!

Я тоже стянул с себя куртку, закатал рукава рубашки и поставил руки под слабые солнечные лучи.

Так мы, очарованные осенью, молча двигались по парку, прислушиваясь ко всякому чириканью воробьев и далеким голосам таких же, как мы, гуляющих. Мы не особенно разговаривали – нам, старым товарищам, было хорошо и так, молча, рядом друг с другом, соответствуя настроениями.

Уже перед самым выходом из парка, когда наша прогулка подошла к концу, когда слегка похолодало, Бычков спросил меня:

– Зачем тебе все-таки чернильный прибор?

– Чтобы он воодушевлял меня к литературному творчеству.

– Ага!.. Все же я был прав! – обрадовался Бычков. – Ты пишешь книгу!

– Нет, я пишу письма.

– Письма? – удивился он.

И тогда я рассказал Бычкову про вас. Я сказал, что мы с вами познакомились во время пересменки в санатории и прообщались всего два дня. Моя путевка заканчивалась, а ваша только начиналась. Еще я посмешил его рассказом о толстой Асе.

– Надо ехать! – со смехом сказал Бычков и поглядел на небо, по которому, стремясь нагнать друг друга, спешили к дождю тучи.

– Ой! – вскрикнул я, почувствовав, что какая-то дрянь укусила меня в левую руку.

– Что случилось? – спросил Бычков, заталкивая в автобус коляску вместе со мной.

– Какой-то слепень укусил меня! – сообщил я, почесывая укушенное место.

– Слепней в это время года не бывает.

– Тогда кто же это?

– Показалось.

Ну показалось и показалось, решил я, хотя рука неприятно зудела. Мы доехали до моего дома, Бычков выгрузил меня и доставил в квартиру. У него были какие-то неотложные дела, и он, даже не согревшись чаем, отбыл, оставив меня наедине с телевизором.

В тот вечер во всех двадцати восьми программах я не нашел ровным счетом ничего интересного, а потому в который раз посмотрел шпионский фильм с Акиканавой в главной роли. Да и то потому, что показывали все три серии разом. Насладившись в конце сериала торжеством героя, я съел мятную булочку, запив ее кефиром, вспомнил санаторий и его такие же вкусные полдники, затем почистил зубы и лег в постель. Я сразу же заснул, утомленный поездкой в Коломенское, и снилась мне почему-то коллекция бабочек...

Проснулся я посередине ночи оттого, что отчаянно чесалась рука. Я включил свет и осмотрел ее. От самого локтя и на пять сантиметров кверху она разлилась бордовым цветом, а посреди красноты крохотным гвоздиком чернела точка укуса.

Все же это был слепень, подумал я, перебрался с постели на коляску и покатился в ванную, где у меня находилась аптечка. Обильно смочив вату йодом, густо помазал место укуса и вокруг, помахал рукой, чтобы йод высох, и вновь отправился в кровать. Больше рука не чесалась.

На следующее утро я попросил соседского мальчишку,

спешащего в школу, купить мне питу, уселся со своим завтраком возле окна и стал рассматривать наступающий день... Запивая лепешку черным кофе и вглядываясь в лица прохожих, я старался отгадать, чем этот день их одарит. Безусловно, гадай не гадай, а ответа я не получу. Может быть, сумею догадаться о радостях и невзгодах людей, работающих тут же, на Арбате. Они в одно и то же время расходятся по рабочим местам, а вечерами так же пунктуально отправляются по домам. Без трех минут девять под моими окнами прошел аптекарь с такими вызывающе загнутыми усами, какие я бы не решился носить никогда. Он дошагал до своей аптеки и, тщательно отерев ноги, вошел в дверь, коротко перед этим обернувшись и поклонившись молодой девушке, работающей в галантерейном магазине напротив. Эту девушку еще недавно встречал в конце рабочего дня молодой мужчина, но в последнее время я его перестал видеть и по бледности лица девушки догадался, что между ними произошел разрыв. Теперь же аптекарь кланяется продавщице, демонстрируя свои безумные усы, и, может, между ними что-нибудь настроится со временем.

Прямо посреди улицы, удерживая в одной руке стремящийся в небо красный воздушный шарик, с ноги на ногу перескакивал по булыжной мостовой мальчишка-сорванец с физиономией счастливой и безмятежной. Он пережевывал огромную жвачку, вероятно составленную из нескольких, и не было в его мозгу ровным счетом никакой мысли, лишь

какая-то праздничная считалочка или припевочка, в ритме которой он и припрыгивал. Лицо мальчишки показалось мне знакомым, но вспомнить окончательно, где его видел, я так и не смог.

Неожиданно из переулка, в котором находится "Комитет по абстрактным категориям", на улицу вылетела пролетка, запряженная парой лошадей, которой управлял здоровенный детина, стоящий во весь рост и горланящий:

– А ну, посторонись!

Детина был одет в зеленый камзол, в левом ухе болталась огромная серебряная серьга, а из-под кучерявого чуба сверкал черный глаз.

Не прошло и секунды, как пролетка поравнялась с моим мальчишкой, он не успел посторониться, лошади дернули в сторону, и голова подростка каким-то образом попала между одной из оглобель и хомутом правой кобылы. Что-то хрустнуло на всю улицу, и взлетел к небу красный воздушный шар. Пролетку занесло, она некоторое время балансировала на двух правых колесах, словно раздумывала, падать ей или устоять, затем будто решила и мягко легла правым боком на мостовую.

От неожиданности я оторопел и безмолвно смотрел на катастрофу, происшедшую под моими окнами.

На мостовой, скривив руки и ноги, сплюснутой головой в луже крови лежал мой мальчишка. Рядом ходил возница и, простирая руки к собравшейся толпе, умоляюще говорил:

– Не виноват я! Не нарочно я! Ну верите мне, люди?!

Сквозь толпу зевак к убитому мальчишке протиснулась какая-то баба и, поставив к его ногам сумки с покупками, наклонилась к голове несчастного.

– Мой, – как-то буднично произнесла она и, разведя руками, сказала всем:

– Вот как бывает.

– Не виноват я! – канючил детина. – Он сам, под колеса!..

В ужасе я отпрянул от окна, включив заднюю скорость. Колеса коляски во что-то уперлись, и она чуть не опрокинулась вместе со мной. Затем я несколько минут просидел в ванной, подставив щеки под струю холодной воды, как бы смывая чудовищную картинку, и пытался прийти в себя.

Когда же я вернулся к окну и выглянул из него, то новому моему изумлению не было предела. На улице ровным счетом ничего не было. Может быть, я неудачно выразился, я имею в виду, что следов катастрофы не было. Их не существовало даже намеком! Не лежал на мостовой мой мальчишка с раздавленной головой, не нудил детина и не убивалась осиротевшая мать... Все-таки у мальчишки было очень знакомое лицо!.. В остальном на Арбате все было по-прежнему. Я увидел спешащего в свою аптеку аптекаря с лихо закрученными усами и заметил, как он кивнул девушке из галантерейного магазина. Вероятно, в ближайшем будущем между ними случатся отношения.

И тут я поймал себя на мысли, что аптекарь зашел в свою

аптеку еще до случившейся катастрофы, что я уже видел его сегодня входящим! И продавщицу из галантерейного магазина с бледным от любовных горестей лицом тоже уже видел!

Милая Анна! Никак не могу прийти в себя от увиденного, а самое главное, не в силах осознать, что же все-таки случилось! Может быть, вам придет в голову какое-нибудь простенькое объяснение! Жду вашей версии!

Что меня еще очень волнует, так это что мой товарищ Бычков пропал. Вот уже трое суток, как от него ни слуху ни духу! Вы можете, конечно, возразить мне, что три дня отсутствия – это вовсе не срок для взрослого мужчины. Ну мало ли какие могут существовать у него дела, тем более что он намекал на возможность возникновения неких личных отношений!.. Но не тот человек Бычков, чтобы исчезнуть на семьдесят два часа и не предупредить меня об этом. Такого никогда не случилось за все шестнадцать лет нашего товарищества. Даже когда Бычков был на войне, он звонил мне по космической линии каждые два дня, справляясь, все ли у меня в порядке и не нужно ли мне чего. Так что я очень волнуюсь по поводу Быčkoва! Не случилось ли с ним чего-нибудь опасного!..

Название конструкции моей коляски – "Тояма". Разработана она была в Японии, там же и произведена под руководством конструктора Ситосиши. Преимущество этой коляски заключается в том, что ею можно управлять, будучи парализованным почти на сто процентов. Самое главное, что-

бы частично шея двигалась или на худой конец язык. Поддвигающийся орган закрепляется чрезвычайно чувствительный тумблер, который реагирует на каждое к нему прикосновение. Если хочешь ехать налево – тронь тумблер влево, хочешь направо – толкни языком вправо, и так далее.

Безусловно, мне такое приспособление не нужно, так как, слава Богу, работают руки. Но есть и другое преимущество у моей коляски, если вы успели заметить. Ее внешний вид внушает уважение каждому встречному, потому что произведена она из титанового сплава, колеса на толстой рифленой резине, а из аккумулятора торчит похожая на военную антенна, способная принимать сигналы от дистанционного управления на тот случай, если человек парализован абсолютно. Прохожий уверен, что в коляске находится важная персона. Либо титулованный спортсмен, либо ученый...

К сожалению, я не принадлежу к категории спортсменов или ученых, а коляска досталась мне чудом. Наше районное отделение по нарушениям в опорно-двигательной системе посетил конструктор Ситосиши. Он читал нам лекцию по уходу за своим телом в условиях частичного или полного паралича.

Мы много слышали всяких разных лекций от всевозможных светил науки и медицины, но в глазах конструктора Ситосиши имелась какая-то особая сердобольность, отличающая его от других лекторов, какие-то очень душевные взгляды бросал он на присутствующих. Не страдает ли у него ка-

кой-нибудь родственник схожей с нашей бедой! – подумал я. – Не случилось ли с самим конструктором такое же несчастье, родившее в нем столь теплый отзвук, который даже в голосе переводчика был различим?

И конечно же, я оказался прав. Уже после лекции я осмелился подъехать к конструктору и полюбопытствовал о его житье-бытье. И что вы думаете?! Когда я задал ему свой сакраментальный вопрос, глаза Ситосиши увлажнились и он сообщил мне, что двенадцать лет назад его любимая бабушка Киоке, которая заменила конструктору мать, погибшую на войне, попала под машину. Травма была настолько серьезна, что бабушка осталась парализованной на девяносто восемь процентов. Для нее-то и сконструировал любящий внук столь чудесную коляску, и по сегодняшний день перевозящую девяностовосьмилетнюю Киоке по ее надобностям.

– Ах, насколько вы проникательны! – удивился конструктор Ситосиши. – Вероятно, ваш недуг развил в вас способность делать умозаключения в тех ситуациях, мимо которых обычный человек пройдет равнодушным.

Он похлопал меня по плечу и растроганно сказал:

– Я привез в Россию два образца моих изобретений и один из них хочу преподнести вам!

Он взмахнул рукой, и в комнату внесли большую коробку, в которой и оказалась моя коляска.

– Она называется – "Тояма". Ездите на ней и вспоминайте мою дорогую бабушку Киоке. Это она вам дарит коляску!

Таким удивительным образом и появилось у меня это чудо конструкторской мысли, которое, как я узнал позже, должно было принадлежать летчику-испытателю, счастливо успевшему катапультироваться на салоне в Ле Бурже.

После месячного турне по России конструктор Ситосиши успел вернуться в Токио, чтобы похоронить бабушку Киоке, скончавшуюся в одночасье.

Нашей милой коровушке Асе непременно нужно выйти замуж, так как процессы, происходящие в организмах женщин этого возраста, должны находиться под контролем мужей, способных успокоить и удовлетворить их эмоциональные всплески. Конечно же, шахтеры для этого особенно подходят!..

Непременно советую вам приобрести телевизор, так как, анализируя чужие мыслительные процессы, вы можете набрести на мысль оригинальную, никому до этого не знакомую! Фантазируя же вне информационного поля, вы рискуете прийти к выводам, которые уже давно сделаны, и очень расстроиться от бесцельно потраченного времени.

Испытываю особенную благодарность к вам за то, что вы заставили меня обратиться к эпистолярному жанру. Постепенно начинаю испытывать некое подобие литературного вдохновения, особенно в процессе непосредственного изложения. Честно говоря, чернильным прибором более не пользуюсь, так как шариковые ручки все же удобнее, да и чернила скорее переводятся, нежели паста в стержнях, а часто вы-

ходить на улицу хлопотно для меня.

Опять пренеприятно чешется рука!..

Все же мне очень интересно ваше мнение по поводу происшедшей под моими окнами катастрофы.

С этим прощаюсь с вами.

P.S. Высылаю свою фотографию. На качестве не взыщите, какая уж есть. В свою очередь ожидаю вашего портрета!

С огромным уважением

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО ПЯТОЕ

**Отправлено 19-го ноября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Ах, не могу понять, как ни стараюсь! Уж не мистифицируете ли вы меня своими рассказами? Уж не хотите ли взволновать бедную женщину потусторонними фантазиями баловства одного ради?! Хотя не скрою, чем более мое сердце стучит от волнения, тем интересней мне читать ваши письма!

В вашем рассказе о катастрофе не все удачно складывается. Вы пишете, что сначала появился мальчишка со жвачкой во рту. Так ведь наличие жвачки говорит о том, что мальчишка абсолютно современен, что он принадлежит нашему с вами десятилетию. К тому же лицо его показалось вам знакомым. Видимо, он жил где-то рядом с вами. Пролетка, которая неожиданно выскочила из переулка, естественно, из лет сильно предыдущих... Сколько я ни ломала над этим несоответствием голову, простого решения найти мне не удалось.

Может быть, случившееся – сцена будущего кинофильма? Не спрятались ли оператор и режиссер на крыше одного из арбатских домов, запечатлевая на "кодак" происходящее внизу?.. Вполне вероятно, что за то время, которое вам понадобилось провести в ванной, дабы привести чувства в порядок, съемочная группа успела собраться и уехать восвоя-

си. Может быть такое? Вполне. Хотя мне почему-то кажется, что это не правильный ответ... Ах, заинтриговали вы меня изрядно!

Ну да Бог с этим... Гораздо более меня волнует ваша рука. Прошел ли зуд?.. Укус слепня не так уж страшен, да и ваш товарищ Бычков трижды прав. Какие в ноябре слепни! Сначала я решила, что вы жертва клеща, но и эти твари столь глубокой осенью в лесах не наблюдались!.. Не знаю, не знаю, может быть, это поздний комар, тем более вы говорите, что стояла небывалая теплынь. Укус позднего комара может быть болезнен, но не опасен. Так что старайтесь укушенное место не расчесывать. Хотя наверняка к тому моменту, как вы получите мое письмо, все пройдет.

Завидую я вам, хоть что-то происходит в вашей жизни. Пусть мистического содержания события эти, но все же куда как интереснее ваша жизнь, нежели моя.

Мне же приходится с утра до позднего вечера проводить возле окна своего деревянного дома и глазеть на главную улицу нашего поселка. Вероятно, я все же совершила ошибку, поменяв свою городскую квартиру на этот дом. Была уверена, что в поселковой местности, в ее скучности, мой недуг не будет столь мучить меня постоянным сознанием несостоятельности перед окружающим миром, в котором все двигается и переменяется. Поначалу все было так, как я предполагала. Статичность картинок сельской жизни более не подчеркивала моей физической неполноценности. Мир вне го-

рода сам как будто парализован, в нем нет ни суеты, ни бессмысленных передвижений, все уныло и скучно, как и в голове инвалида. Продукты закуплены на долгие времена, а потому часто выезжать со двора на грязюку поселковых дорог нет необходимости... А потом, в поселке я никого совершенно не знаю близко, и поэтому не приходится разговаривать с товарками на темы для меня болезненные. Слава Богу, еще ни одна дура не поинтересовалась, каково мне без мужчин и как переживает свое одиночество моя муши... (Это по-немецки то же самое, что по-русски кунка, а по-английски – пусси.) Извините, конечно, за такие подробности, но буквально так спрашивала меня моя петербургская подруга, тоже немка.

С другой стороны, именно подвижности, глупой городской сумятицы не хватает мне в поселке. Частенько хочется заплакать оттого, что под окнами не проезжают троллейбусы, перескакивая своими рогами с одних проводов на другие, не тренькают ночные трамваи, развозя полуночников по теплым постелям, не сигналият автомобили... Хочется слышать шум толпы, тархтенье вертолетов и детский смех...

Простите меня за столь сентиментальное отступление. Со мною случается это крайне редко. Вероятно, вы правы, нужно приобрести телевизор и впериться в него, пересматривая все, от глупых детективов до мучительных эротических программ.

Поставила на стол вашу фотографию и смотрю прямо в

ее глаза. Стараюсь понять – мучают ли вас те же самые проблемы, что и меня?.. Я вовсе не имею в виду сложности, связанные с нашим общим недугом, нет. Я просто мечтаю о нашей психологической общности, о похожести взглядов на вещи простые и сложные, ищу в вас друга. Может быть, я поспешна, но так хочется, чтобы кому-нибудь можно было рассказать все.

Третьего дня обнаружила возле своих дверей чемодан. Вернее, это не чемодан, а что-то похожее на футляр музыкального инструмента, вот только какого, не понимаю. Футляр достаточно большой, обитый черным бархатом и изрядно тяжелый. Мне он показался сначала странным, но в чем эта странность выражается – было непонятно. Я оглядела все вокруг, однако никого, кто бы мог поставить его возле моих дверей, не обнаружила. Поэтому я внесла находку в дом и оставила при входе. Хозяин футляра, вероятно, за ним скоро вернется, подумала я, но вот уже третий день забытая вещь стоит возле порога и притягивает мои взгляды своей брошенностью.

Просмотрела все бесплатные газеты – не приезжал ли к нам в последнее время в поселок какой-нибудь оркестр или ансамбль, но никакой такой рекламы не обнаружила... Как вы думаете, может быть, передать футляр с почтальоншей в стол находок, если таковой имеется в Шавыринском?

Евгений! Должна с восторгом сообщить, что рука ваша мукает с каждой строчкой, что даже мой опытный взгляд не

может отыскать в письме стилистических неловкостей и завихрений, если уж только нарочно придирааться... Ваш стиль очень схож с моим, и я немножечко горда, так как я, и только я заставила вас писать, вдохновив собственным примером. Вы просто молодец!

Опять смотрю на вашу фотографию и ловлю себя на мысли, что так скоро привыкла к портрету, как будто он стоял на моем столе всю жизнь.

Опишите мне, пожалуйста, эротическую программу. Каков процент в ней пошлости, а каков искусства, если таковое имеется? Может быть, я действительно соберусь и приобрету телевизор.

Что ваш товарищ Бычков? Нашелся или по-прежнему под властью любовного гона?.. Мне почему-то кажется, что он пропал именно по этой причине!

Высылаю вам свою фотографию и честно говорю, что она исполнена десять лет назад, до того как со мною произошло несчастье.

На этом до свидания

Ваша Анна Веллер

P.S. Вероятно, в ближайшем будущем я соберусь с силами и расскажу вам о том, как произошло со мною несчастье.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

**Отправлено 25-го ноября
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Милая, премилая, милая Анна!

Очень и очень ждал вашего нынешнего письма. Вероятно, со мною происходят вещи совершенно нерадостные, и вы единственный человек, которому я могу от души пожаловаться, так как Бычков до сих пор не объявился. Я даже звонил в милицию, но по телефону моего заявления не приняли, да и срок, после которого возбуждают розыск без вести пропавших гражданских лиц, еще не вышел. Так что терпите, Анна, и читайте строки моего уныния и полного недоумения.

На следующую ночь после того, как я отправил вам свое последнее письмо, я засиделся перед телевизором. Как раз была суббота, и по седьмому каналу телезрителей развлекали эротической программой.

Вот какая странность! Программа была продолжительностью в три часа, а пересказать хоть какой-нибудь ее эпизод крайне трудно. Практически не могу подобрать слов даже для начала. Все сводится к простой формуле – к количеству участников в данном эпизоде, к мастерству режиссе-

ра, оператора и гримера... Например, две девушки любят друг друга. На пленке запечатлен самый пик их любовных отношений. Они абсолютно обнажены, их тела натерты чем-то блестящим, что походит на любовный пот, глаза полузакрыты, а языки столь длинны и проворны, что добираются до самых интимных и сладких местечек в нашем сознании. Все это под сопровождение мягкой музыки – полутона, прозрачные ткани, капли воды по стеклу, за которым размытые пятна тел, тонкие пальцы, скользящие по груди и оставляющие на ней еле заметные красные полосы. Стройные и спелые бедра, которые вот-вот откроют перед нами самые заветные тайнства... Но в тот миг, в то мгновение, когда ваши глаза распахнуты до предела, когда они готовы принять самые главные картины, насытиться и наполниться открытностью, мастерство оператора, его умелые руки отводят камеру на какие-нибудь второстепенные части тела, например ступни ног, и зрителю приходится в это мгновение лишь прерывисто вздыхать и надеяться, что в следующем эпизоде бедра непременно откроют перед ним сладкие закоулки...

Вот так вот три часа... Когда на экране возникают мужские пары, я отправляюсь на кухню заварить пахучего чая или переключаю телевизор на другой канал, хотя бы на новости.

Вот так вот три часа...

Ночью я вновь проснулся от зуда в руке. На этот раз чесотка была столь нестерпима, что я, сжав зубы, с трудом за-

лез в коляску и покатыл в ванную за антисептической и болеутоляющей мазью, хранящейся в моей аптечке. Крышечка от долгого лежания мази прикипела к тюбику, я напрягался, открывая ее, но вместе с тем точно знал, что никакая боль, никакая зараза не устоит перед этой китайской смесью, которую привез мне с войны Бычков.

– Это чудесная мазь! – восклицал мой товарищ. – Она незаменима при всяких воспалениях в теле и костях. Пользуйся ею смело, и ты будешь здоров всегда!

В довершение столь убедительной рекламы Бычков рассказал, как его в песчаном окопе укусила в большой палец ноги гюрза, как он уже готовился к встрече с потусторонним, шепча молитвы, но тут ему на помощь пришел военный священник, натер укус пахучей мазью, и – о чудо! – рана затянулась в минуту, а яд был нейтрализован...

Наконец мне удалось открыть тюбик и выдавить из него на полпальца коричневатого геля, в который я обмакнул вату, накрученную вокруг спички, и поднес к больному месту.

То, что я увидел, крайне огорчило меня. На месте укуса выросла какая-то шишечка, величиной с большую конфету-драже. Да и цветом походила на нее же – переливалась от бордового на верхушке до синеватого в основании. Я с вниманием разглядывал это новообразование, сомневаясь, что бычковская мазь в данном случае мне поможет, но все же попробовал. Я нанес часть на самую опухлость, а другую вокруг ее основания, потихоньку втирая. Шишка на ощупь ка-

залась твердой и очень теплой. На мгновение я подумал, что это просто нарыв, и хотел было его выдавить, но что-то остановило меня. То ли давние предупреждения, что ничего выдавливать нельзя – инфекция может разнестись по телу, то ли что-то еще, неосознанное...

Нанеся мазь, я на всякий случай стал активно дуть на руку, боясь, что будет щипать. Но ничего такого не произошло... Я еще некоторое время любовался на шишку, а затем покатился обратно в спальню, с удовольствием отмечая, как зуд постепенно сходит на нет, сменяясь ровным и приятным теплом.

– Ах, чудо-мазь, – радовался я, засыпая. – Не подвела!..

Еще перед сном я подумал, что дружба – самая великая на свете вещь! Иной раз вдохнешь грудью и замираешь до слез от осознания того, что у тебя есть такой добрый и надежный друг, как мой товарищ Бычков! Как мне хочется, чтобы и вы, милая Анна, стали моим добрым и верным другом, коим и я хочу быть для вас!..

Той ночью мне было суждено проснуться еще раз и уже ни на минуту не засыпать до утра. Нет, разбудила меня на этот раз не боль и не зуд. Сначала я даже не понял, что выбило меня из сна, какая такая сила способна на это?.. Но тут же вспомнил про шишку, включил свет и, закатав рукав пижамной куртки, стал рассматривать ее, закрасившуюся в один цвет – какой-то серый с зеленоватым отливом. Мне показалось, что шишка немного подросла и стала уже разме-

ром с лесной орех фундук. Я дотронулся до нее, надавливая потихоньку сверху указательным пальцем, но внезапно почувствовал, что новообразование еще больше затвердело, а затем под натянувшейся кожей что-то зашевелилось, сопротивляясь моему пальцу. От удивления я отдернул руку и вскрикнул.

Господи, что же это такое?! – крутился вопрос в моей голове. – Неужели все-таки клещ прокусил руку?!

Я внимательно смотрел на шишку, стараясь уловить в ней движение, но клещ или что-то там еще теперь не подавало никаких признаков жизни.

Ах, ты!.. Может быть, мне все это показалось? – с надеждой подумал я и было уже собрался откинуться на подушки, как в шишке опять что-то дернулось, и я отчетливо увидел, как какая-то тварь толкает кожу моей руки изнутри, словно пытается вылезти наружу. Инстинктивно я прижал болячку подушечкой большого пальца, но вдруг что-то кольнуло меня под самый ноготь и пронзительная боль ошеломила, окатив подмышки холодным потом.

– Да что же это в самом деле?! – возмутился я вслух.

Я спросил так громко, что возмущенный сосед застучал сверху по железной трубе отопительной системы чем-то металлическим.

Не слишком в этой ситуации владея собой, я дотянулся до телефона и дозвонился до "Скорой помощи".

– "Скорая помощь" слушает. Тридцать первая. Что случи-

лось? – спросил меня внимательный женский голос.

– Меня что-то укусило в руку, – ответил я.

– Что именно?

– Не знаю. Но что-то прокусило кожу и залезло внутрь.

– Куда внутрь? – не поняла оператор.

– В руку, – уточнил я.

– Наш разговор записывается на магнитофонную ленту, – на всякий случай предупредили в "Скорой помощи". – К тому же ваш номер высветился на телефонном определителе.

– Если вы думаете, что я вас в четыре утра надумал разыгрывать, – взорвался я, – то вы заблуждаетесь, милая барышня!

– Давайте еще раз, – устало согласились на той стороне. – Кто вас укусил?

– Я же вам уже ответил, что не знаю!

– Собака, змея, жена?.. – неутомимо выясняла оператор.

– Может быть, клещ, – предположил я.

– Сколько прошло времени с момента укуса?

– Часов восемь.

В трубке зависла пауза, потом, прокашлявшись, женщина сообщила мне, что в это время года клещи не водятся.

– Без вас знаю! – нагрубил я. – Тогда что же это такое?!

– Чешется?

– Нестерпимо!

– Может быть, клопы... Или аллергия. Голова кружится?

– Нет.

– Тошнота?

– Не наблюдается.

– Сколько вам лет?

– Сорок один год.

– Обратитесь завтра к врачу, – посоветовал голос. – А сейчас выпейте снотворное и спите. Тридцать первая желает вам спокойной ночи!..

Спокойной ночи так спокойной ночи, – внезапно успокоился я и выключил свет, чтобы не рассматривать свою беспокойную шишку. – Завтра отправлюсь к хирургу, и он вырежет этот орех под самый корень! – Я совершенно расслабился и очень быстро заснул.

На следующее утро шишка уже не выглядела такой огромной, как ночью. Я с большой осторожностью ощупал ее, но она оказалась какой-то вялой, не толкалась и не кусалась в ответ на провокационные прикосновения.

Был момент, когда я почти передумал идти к хирургу, так как в одиночестве спускаться по лестнице из подъезда на улицу было занятием малоприятным и опасным: однажды я даже перевернулся и пролежал лицом вниз минут десять, пока кто-то не заметил мою аварию и не поставил все обратно – с головы на колеса... Все же я победил свои опасения и, тепло одевшись, выкатился из квартиры на лестничную площадку. Умело используя тормоз и задний ход, я успешно преодолел шесть ступенек, отделяющих мой первый этаж от улицы, и покатился по Арбату в сторону метро, за кото-

рым находится моя поликлиника. На мгновение я задержался возле того места, где несколько дней назад, по вашему мнению, дорогая Анна, происходили киносъемки, и что вы думаете?.. Да-да, на булыжной мостовой, в щелях, я обнаружил ссохшуюся кровь. Уверен, что это именно кровь, кровь, а не какая-то бутафорская краска!..

Катясь по дороге к поликлинике, я грустно думал о пропавшем Бычкове, о странной пролетке, о погибшем подростке, чья кровь еще не стерта временем и подошвами с мощеных тротуаров, и о моей злосчастной шишке.

Вся наша жизнь – череда опасностей, размышлял я, разглядывая молодых людей, несмотря на утро целующихся парочками по подворотням. Беззаботность и высокомерие перед старостью отличает юных. Оттого их жизнь гораздо опаснее жизни стариков. Их подстерегают неожиданные болезни и войны, которые могут свести на нет все мечтания и надежды, тогда как старики отвоевали свое и прожили жизнь, не занедужив теми болезнями, которые преждевременно укладывают в могилу полные любовных соков тела. Пример – мой мальчишка, скакавший с шариком по мостовым, а через мгновение принадлежавший уже миру мертвых.

Мой врач оказался старым опытным хирургом, прошедшим боевые испытания и имеющим военные награды. Выдающегося телосложения, седой, огромный, как памятник, с добрыми глазами пьяницы, он внушал великое доверие, и пациент с детской покорностью вкладывал свою маленькую

ладошку в огромную руку гиганта и, не задумываясь, вверял эскулапу свою жизнь.

– Интересная штукавина! – проговорил гигант. – Я бы сказал даже, любопытная!

Облизав губы, хирург чмокнул языком, как будто у него пересохло во рту, и так же, как я накануне, надавил на шишку с разных сторон.

– Выдавливать пробовали?

– Нет, – ответил я. – С детства знаю, что опасно.

– Зря.

– Что зря? – не понял я.

– Если вы подозреваете, что вас укусил клещ, то его надо было давить.

– Но клещи в это время не водятся! – с уверенностью возразил я.

– Будем надеяться.

Хирург опять чмокнул языком, отпустил мою руку и ушел за медицинскую ширму. Я услышал, как открылся стеклянный шкаф, как звякнуло стекло о стекло, как шумно и долго текла какая-то жидкость в желудок врача...

Когда хирург появился, лицо его изрядно покраснелось и выражало полную расположенность к дальнейшей жизни. Он с удивлением оглядел меня и спросил:

– Вы что?

– Что? – не понял я.

– Ах, да... – вспомнил эскулап, сел и вновь пощупал мою

шишку. – Давайте попробуем выдавить эту гадость! – решил он и, не давая мне опомниться, сдавил шишку между большими пальцами.

– А-а-а! – закричал я.

– А-а! – коротко вскрикнул хирург. – Что это?!

Он вскочил на ноги и, несмотря на свою комплекцию, резво отпрыгнул к окну.

– Что это?! – переспросил он. – Вы что это такое делаете?!.

– Да не я это!.. Я же вам говорил, эта штука сопротивляется. Она вообще не хочет покидать меня, а потому дает достойный отпор всякому, кто хочет ее насильно выдворить! Вот и мне вчера этот клещ засунул под ноготь свое жало. Видите, даже капелька крови запеклась возле лунки... Говорят, что белые точки на ногтях – к счастью. А вы как думаете?

– Идите на рентген!.. – решил врач, как-то странно косясь на меня. – Потом ко мне.

Он отвернулся и, не дожидаясь, пока я выкачусь из кабинета, удалился за ширму и забулькал чем-то в стакан.

Рентген мне сделали быстро и велели находиться за дверью. Я сидел в своей коляске и терпеливо ждал рентгенолога. Он появился, вялый, на тощих ногах, неся снимок над головой и помахивая им для просушки, кивнул мне, чтобы я следовал за ним.

– Ждите, – сказал он перед кабинетом хирурга. – Вас зовут.

Вероятно, что-то серьезное, – подумал я. – Иначе бы сестра снимок отнесла.

Из-за двери хирургического кабинета доносились приглушенные голоса, но сколько бы я ни прислушивался к ним, разобрать ничего не смог. Зато, как мне показалось, опять зазвякала посуда и забулькала жидкость. За дверью засмеялись, затем все стихло, а через минуту из кабинета вышел рентгенолог и, даже не взглянув на меня, понес свое тело прочь, резво перебирая ногами.

– Молокан!

Услышав этот властный призыв, я смело въехал в хирургический кабинет и затормозил возле стола, за которым сидел врач и что-то записывал в мою историю болезни.

– Ну что, доктор? – заторопился я. – Это опасно?

Хирург кивнул на лежащий рядом снимок.

– Хотите-посмотрите... – предложил он, с трудом сдерживая икоту.

Я осторожно взял снимок и, прилипая к нему, еще влажному, пальцами, посмотрел на свет. То, что я увидел, не оставило никаких сомнений.

– Все-таки это клещ! – воскликнул я.

– Это не клещ, – возразил хирург.

– А что?

– *Hiprotomus Viktotolamus*.

– Это что еще?!

– Такой жук.

– Что еще за жук?! – вскричал я, чувствуя, как мною овладевает раздражение. – Делайте, в конце концов, что-нибудь! Режьте его!

– Посмотрите на снимок еще раз. – Хирург оторвался от записей и громко икнул. – Видите тельце жука?

Я кивнул.

– А рога?

– Вижу.

– Теперь внимательно посмотрите на его лапки.

– И что? – не понимал я, что есть силы всматриваясь в контуры жука.

– А то, – пояснил эскулап. – Жука вырезать сейчас нельзя.

Видите, от каждой его лапки тянется белая ниточка?..

– Ну? – не понимал я.

– Эти белые ниточки – ваши нервы. – Врач взял из моих рук снимок и поместил его на световое панно. – Вот эта ниточка, – он ткнул ручкой в правую лапку жука, – эта ниточка – нерв, отвечающий за подвижность вашей руки. Вот эта, – перо уперлось в левую лапку, – это нерв, уходящий прямоком к коре головного мозга... И все остальные нервы идут к мозгу.

Хирург отошел от панно, сел за стол и прислушался к своему брюху, явно удовлетворенный, что икота прекратилась.

– Так что все это значит?! – обозлился я вконец, ничего не понимая.

– А то, что жука трогать нельзя, – пояснил врач. – Раньше

надо было. Сейчас *Niprotomus Viktotolamus* успешно сросся с вашей нервной системой и стал ее принадлежностью. – Он поднял указательный палец, упреждая мой следующий вопрос. – В истории медицины описано четыре таких случая, ваш пятый. В одном случае жука вырезали и через два дня пациента парализовало... – Хирург оглядел мою коляску. – Парализовало и по рукам, и по ногам. Во втором жука прогревали магнитными полями и мучили лазерным лучом. Пациент оглох на правое ухо и ослеп на правый глаз. В третьем больному прописали мультиантибиотики, и на шестой день у него началась атрофия мозга...

По мере того как хирург описывал мне человеческие драмы, а я примерял их на свою персону, ужас охватывал все мое существо. Я уже чувствовал, как мои руки, наливаясь тяжестью, отказываются подчиняться командам мозга, а мозг в свою очередь не желает давать команду рукам.

– Что было с четвертым? – спросил я обреченно.

– Четвертого решили не трогать, – ответил врач. – Оставили жука в покое, и он практически не беспокоил хозяина.

– Что значит – практически?

– Иногда у пострадавшего наблюдалось некоторое раздвоение. Он чувствовал в себе собеседника и разговаривал сам с собой.

– Вслух?

– Нет. Мысленно, как бы телепатически.

– А о чем были разговоры?

Хирург отер пот со лба и уложил влажную ладонь на мою историю болезни.

– Четвертый пациент был ярым сторонником перевода России на Метрическую систему, а жук приводил доводы, из которых следовало, что этого делать не надо.

– Интересно.

– Россия – страна особенная. За много веков человек в ней привык к верстам и фунтам, а потому зачем все переменивать? Пусть все будет как будет. Ишь ты, левостороннее движение им наше не подходит! – Доктор усмехнулся. – Мало ли что нам у них не нравится!

– Это жук так говорил?

– Это я так говорю! Я за наши версты две пули в животе имею! Понадобится, и третью приму!

– Мы тоже в тылу не отсиживались! – сказал я. – Тоже внесли за версты свою лепту!.. Что вы все-таки мне посоветуете делать с жуком?

Хирург откинулся на стуле, поколебав прочность конструкции, и пристально посмотрел на меня. В его взгляде появилось что-то суровое и мужественное. Взгляд призывал к единению и к радости общности в самом важном событии нашего времени.

– Там подвижность потеряли? – спросил врач.

Я кивнул.

– На Маньчжурском сочленении?

– На Малоазиатской равнине, – уточнил я.

– Пуля? Осколок?

– Стрела. Между пятым и шестым позвонком застряла.

На четвертый месяц войны.

– Выпьете? – с беспредельной лаской в голосе спросил хирург.

– Я не особо сентиментален.

– А я выпью.

Хирург отправился к стеклянному шкафу и оттуда заговорил о том, что о природе *Hiprotomus'a Viktotolamus'a* никто толком не знает, прогнозировать деятельность жука сложно, но все же волноваться преждевременно не стоит, так как мы солдаты.

– А что со сторонником Метрической системы?

– А то вы не знаете, – ответил из-за ширмы хирург. – Двадцать лет тюрьмы. – Он появился, чмокая губами, а изо рта у него несло валерьянкой. – Это на случай директора, – пояснил эскулап, указывая пальцем себе на кадык.

– Что с жуком, я имею в виду?

– Этого нам не сообщают.

Я тронул рычажок управления на "Тояме" и откатился к дверям кабинета.

– Поеду.

– И что, никаких перспектив? – Доктор кивнул на коляску. – Физиотерапия какая-нибудь?.. Если что надо, я поспособствую...

– Спасибо...

Я выкатился в коридор и услышал вслед:

– Только не мажьте жука ничем!

Я катился по Арбату и вновь размышлял о превратностях судьбы. Теперь я не один, теперь у меня появился жук, который, возможно, в скором времени начнет со мною разговаривать о ненужности для России Метрической системы и правостороннего движения. А я и без жука это знаю, кажется, до сих пор чувствую, как стрела вонзилась в мою спину, дробя кость...

Возле самого дома я купил большую питу с жирными кусочками курицы и попросил налить в лепешку побольше кетчупа.

– Наливайте, сколько вам нужно. – Ларечница-гречанка кивнула на большую пластмассовую бутылку.

Я взял ее, сжал над лепешкой, бутылка хрюкнула и вывалила мне в питу кетчупа, которого бы хватило на пять таких лепешек. Соус потек по моим ладоням, я наклонился над мостовой, предоставляя сочным красным каплям свободно стекать на брусчатку, и при этом громко чертыхался.

– Возьмите салфетки!

Гречанка протянула мне бумажное полотенце, и я, вытирая руки, смотрел на окрасившуюся кетчупом мостовую и вдруг опять вспомнил моего мальчишку, а также кровь, застывшую на месте катастрофы.

А может быть, это вовсе не кровь? – подумал я. – Может быть, это обычный соус, а мальчишка – плод моей фантазии?

И вдруг меня озарило.

А что, если это жук? Что, если смерть мальчишки под допотопной пролеткой есть воздействие жука на мой мозг?! Вполне вероятно, что уже тогда он сросся с моей нервной системой и дергал за нервы, как опытный кукловод за ниточки, вызывая во мне ирреальные картины?!

Осмывая столь неожиданный вывод, я машинально залез левой рукой под правый рукав рубашки и слегка ощупывал и поглаживал шишку, как будто привыкал к своему новому знакомцу, после того как узнал о нем что-то важное, вызвавшее во мне уважение и некое подобие симпатии. Словно почувствовав мои настроения, жук кольнул меня своим жалом, но не больно, а слегка, даже, можно сказать, нежно, как бы подтверждая правильность моих выводов и выражая ко мне взаимную приязнь.

Ах, милая Анна!

Если бы не ваша фотография, которую вы мне любезно прислали, не ваша чудесная красота, которую я вспоминаю столь часто, сколь позволяют мне сложившиеся обстоятельства, я бы совершенно пал духом.

Я смотрю на вашу фотографию и черпаю силы... Ваш полный чувственный рот слегка приоткрыт, взгляд юных глаз столь неожиданен, что дрожь прокатилась по всем моим членам, когда я впервые столкнулся с ним!..

Знайте, я очень часто смотрю на вашу фотографию!

Милая Анна! Мне сложно судить о том, правильно ли вы

сделали, что сменили городскую квартиру на деревенский дом. Я, например, совершенно не перевариваю идиллических картинок сельской жизни. Я даже не люблю молока из-под коровы, а предпочитаю пить его из пачки, будучи уверенным, что оно пастеризовано. Я абсолютный горожанин, влюбленный в нескончаемую суету мегаполиса, с его дикостями и цивилизацией, с его постоянной бодростью трудоголика и бесконечной вереницей незнакомых лиц. Поэтому я понимаю вашу грусть по троллейбусам!

Не колеблясь покупайте телевизор! Он хоть отчасти поможет вам разрушить сельскую тишину!

До свидания!

Заканчиваю это письмо, чтобы тотчас начать следующее!

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

**Отправлено 30-го ноября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Дорогой Евгений!

Если еще недавно я была уверена, что вы меня в силу каких-то причин мистифицируете, то сейчас всеполностью убеждена в достоверности происходящих с вами событий!

Прочтя ваше письмо, я тотчас натянула на руки резиновые перчатки, которыми пользуются во всем мире уборщицы, а также посудомойки, и выкатилась на своей коляске на улицу. Погода сейчас стоит промозглая, самая что ни на есть осенняя, а перчатки оберегают руки от грязи, от мерзкого проникновения ее под самую кожу... Честно сказать, я направилась в шавыринскую библиотеку, где заказала себе медицинскую энциклопедию. Пролистав ее в нужном месте, я так и не нашла *Hiprotomus'a Viktotolamus'a*, а потому, собравшись с силами, доехала до местной клиники.

Откровенно говоря, делать мне это вовсе не хотелось, так как мой врач, Ангелина Войцеховна, женщина лет сорока пяти, отличается суровостью характера, переизбытком мужских гормонов в мыслях, а вследствие этого некими нетрадиционными пристрастиями к особям женского пола, с какими частенько приходится бороться, дабы не стать их жертв-

вой. К этой характеристике можно еще присовокупить, что она на досуге исполняет обязанности медэксперта в уголовной полиции нашего поселка.

– Ах, милочка моя! – Ангелина Войцеховна наполняет свой взгляд безмерным состраданием. – Сколь несправедливо бытие! Как зачастую сурово обходится с нами жизнь! Сколь часто я вас вижу, столь мне хочется приласкать вас, обнять крепенько! Как вам, вероятно, трудно приходится, когда нет рядом сильного друга, способного облегчить ваши страдания и утолить жажду чувственного наслаждения!

– Ангелина Войцеховна! – отвечаю я в таких случаях. – Я девушка сильная и справлюсь с трудностями. Да и тело мое в том месте, которое вас интересует, ничего не чувствует вовсе, поэтому я в такие минуты представляю из себя хоть и красивый, но все же труп! Я же вам об этом говорила!

– Это правда? – всякий раз спрашивает врачаха.

– Абсолютная, – подтверждаю.

– Ах, несчастная! Неужели – труп! – вздыхает она, и на этом обычно заканчиваются ее маленькие странности.

Дорогой Евгений!

Сейчас я вам косвенно призналась, что мне, к несчастью, недоступны некоторые женские радости, но я вовсе не стесняюсь этого перед вами, так как знаю, что и вы спинальный больной, что и ваши бедра холодны и нечувствительны, как мрамор... Однако мы с вами люди сильные и на своем опыте знаем, что чувствительность нервных окончаний не есть

самое главное в природе ощущений. Есть еще и душевные окончания, способные ощущать более тонкие материи... Однако в сторону отступления!

Я поинтересовалась у Ангелины Войцеховны Niprotomus'ом Viktotolamus'ом, и она подтвердила существование такого насекомого, крайне редко встречающегося в природе.

– А что такое? – спросила она вяло. – Откуда вы знаете про него?

– Да ничего, собственно. В научно-популярной периодике встретился.

– Ага, – поняла врачиха и потеряла ко мне всяческий интерес.

Не знаю, Евгений, жалеть мне вас или, наоборот, завидовать. Если верить столь небольшой статистике об этом насекомом и применить ее к вам, то следует, что в вашем организме могут происходить и, вполне вероятно, уже происходят изменения, способные развеять скуку. Пример тому – случай с мальчишкой!.. Поэтому советую вам не вешать носа, а наоборот, настраиваться на самое интересное будущее, о котором мне важно знать все!

На этот раз не собираюсь жаловаться на свою скуку, так как и следа от нее не осталось. Во-первых, мне очень помогают ваши письма, без которых я уже вряд ли представляю свое существование. Нет, правда! Особенно меня вдохновила описанная вами эротическая сцена. Вы подали ее так тон-

ко и неплотноядно, а вместе с тем чувственно, что я удостоверялась в вашей мужской сущности и в том, что, несмотря на несчастье, происшедшее с вами, мужское сохранилось в вас, не претерпев роковых изменений.

Очень болела за вас, когда читала те строки, в которых вы говорите врачу, что причина вашей неподвижности – стрела!

Я знаю об этом, вернее, я читала и смотрела различные кинофильмы о том, как японцы стреляют из своих национальных луков в русских. Еще я знаю, что делают они это в исключительных случаях, когда хотят выказать особое уважение к врагу, к его будущей смерти. Если я правильно информирована, самураи практикуют два вида стрел – серебряные и золотые. Золотые берегутся для особо выдающегося солдата. Если это не секрет, то напишите мне, пожалуйста, какой стрелой вам повредили позвоночник...

Третьего дня мне пришел телевизор. Ах, да!.. Я же вам еще не сказала, что выписала телевизор по почте. И представьте себе, раздается утром звонок, и рабочие вносят его, черный и большой, в мой дом. Руководила рабочими почталыонша Соня, очень тактичная к моему недугу, а оттого желающая быть мне другом. Люди маленького роста почему-то всегда хотят дружить, и Соня тоже не исключение. А я вовсе не против перебраться словечком-другим с кем-нибудь на досуге.

– Я очень рада за вас, Анна! – сказала Соня, когда мы выбрали для телевизора место около зеркала и, включив его,

уселись за столом выпить по рюмочке. – Я, честно говоря, боялась, что вы окончательно затоскуете. А так хоть будете следить за событиями, происходящими в мире.

– Вот что, Соня! – сказала я почтальонше, щелкая пультом. – Тут я как-то нашла на пороге дома ящик или футляр. Не знаю, что с ним делать.

– Какой ящик? – удивилась Соня.

– Да вот он стоит, у дверей! Странный какой-то!..

Соня приблизилась к футляру и принялась рассматривать его, впрочем не приближаясь вплотную.

– Бархатом обит черным! – констатировала почтальонша. – Чего в нем странного?

– Есть ли у нас в Шавыринском стол находок?

– Нету, – уверенно ответила Соня. – У нас в Шавыринском никогда не было стола находок. Открывали?

– Нет, – ответила я, снова щелкнув пультом.

– Зря.

– Вещь чужая.

– Но ведь хозяина нет, – возразила Соня, присев на корточки и поглаживая бархат футляра ладонью. – А что, если в ящике взрывное устройство?!

– Какие глупости, Соня! – рассмеялась я.

– Зря смеетесь! – обиделась почтальонша. – Японцы во время войны такие штучки выделывали! Вот мой брат Владимир Викторович был сапером во время войны...

– Война пять лет назад закончилась! – прервала я. – И

потом, если в ящике бомба, зачем его открывать? Ведь взорвется же! В ваших словах нет логики!

– Это верно, – согласилась Соня, убирая от ящика руки. – Логики мало... Может быть, брата позвать?.. И потом, что будете делать с футляром?

– Не знаю, подожду несколько дней, вдруг хозяин объявится. А брата звать нет необходимости.

– Может, и объявится, – согласилась почтальонша, раскланиваясь в дверях. – Вы бы хоть газетку какую выписали или журналчик иллюстрированный!

– Так у меня же теперь телевизор!

– Телевизор телевизором, а пресса прессой! Ну да дело ваше!

Соня ушла, а я четыре часа кряду просидела перед телевизором, смотря наперебой все каналы, отрывая по пять минут от каждого, словно боясь пропустить что-нибудь интересное, чего уже никогда не увижу.

Поздним вечером, лежа в своей кровати, я прислушивалась к звукам осеннего дождя. Люблю осенний дождь. Есть в нем какой-то драматизм, какое-то бесконечное уныние, тоска по потерянному цветению. Тихое "ш-ш-ш-ш" за окном убаюкивает, и кажется, что все цветные минуты жизни уже позади, что осталось время лишь для того, чтобы осмыслить красочные мгновения и признаться – принесли ли они тебе удовлетворение или оставили даже воспоминания обездоленными... Ах, далее я заставляю себя не думать, так как

очень боюсь неутешительных для себя признаний. В такие минуты хочется безудержно рыдать, ища мокрым носом руки матери, тыкаться ей в грудь, чтобы она защитила тебя, приласкала, отогнав лишь одной улыбкой твои проблемы и посмеявшись над ними, как над несуществующими мифами, успокоила бы, что жизнь твоя только начинается, что все еще впереди, и радости еще придут, и настоящие невзгоды...

Моя грусть по матери постепенно прошла, растворилась в тихом шорохе дождя, оставив лишь сладкое, щемящее чувство жалости к себе. Так жалеет себя ребенок, которого несправедливо обидели, и он обещает еще всем доказать свою исключительность.

Ах, мамочка моя, мамочка!

Неожиданно странный звук привлек мое внимание. Как будто что-то треснуло или надломилось.

Может быть, кто-то ходит под окнами? – предположила я и замерла, вслушиваясь в улицу. – Какая-нибудь веточка хрустнула под ногой незнакомца?..

Но все было тихо в природе, лишь стекала с неба вода, унося в недра земли следы осеннего тления.

Вероятно, мне показалось, успокоилась я и почти уже заснула, как вдруг звук повторился, и на сей раз я поняла, что рожден он вовсе не за окном, а происходит как раз в моей комнате.

Бывают такие моменты, когда пугаешься совершенно жутким образом, когда захватывает все твое существо волна

ужаса и никакие вмешательства рассудка не способны удержать тебя от животного страха. Ты находишься во власти химических процессов и цепенеешь до тех пор, пока организм не привыкнет к адреналину.

Именно таким образом испугалась я. Сжав простыни, приподнялась на руках в кровати и с раскрытым ртом ждала то ли повторения звука, то ли появления в своей комнате чего-то ужасного. Шея моя вспотела, живот окаменел, а глаза вглядывались в темноту, напрягаясь до лопающихся сосудов, стараясь вычислить в ночи место, где прячется это "что-то" и откуда последует нападение.

Надо включить свет! – вертелось у меня в мозгу. – Включить свет!

Но вместе с этим я боялась даже шевельнуться, словно надеялась, что, если замру, меня не смогут обнаружить, как будто моя неподвижность станет лучшим камуфляжем и спасет меня.

Щелк, щелк! – раздалось в комнате отчетливо.

Такой звук получается, когда щелкают пальцем о палец, подзывая кого-нибудь. Глаза у меня были на мокром месте, сердце трепыхалось, я хотела закричать, но горловой спазм помешал это сделать, я лишь зашипела отчаянно, зажмурилась и приготовилась к самому ужасному.

Щелк, щелк!

– Мапочка, мамочка! – зашептала я.

Щелк, щелк! – казалось, раздавалось над самым ухом.

Да что же это в самом деле! – внезапно разозлилась я. – Какого черта я испугалась! Да и кого, в конце концов!

Я открыла глаза, нащупала рукой выключатель и с силой нажала на кнопку, впуская в комнату свет. Второй рукой я инстинктивно прикрыла лицо, как бы защищаясь от предполагаемого удара, но, когда стоваттная лампочка осветила все углы, обнаруживая в каждом привычную пустоту безо всяких угроз и посторонних, я внезапно засмеялась тихонько, чувствуя, как сердце постепенно замедляет свой ход, а плечи остывают от жаркого пота.

Какая все-таки глупость – ночные страхи! – подумала я с удовольствием и радостно посмотрела на большой черный телевизор, сейчас молчащий и с нетерпением ожидающий следующего утра.

Щелк, щелк! – раздалось снова.

Сердце мое забилося с удвоенной силой, но теперь было светло, и я держала себя в руках, вершок за вершком оглядывая комнату. Стол стоит как обычно, шкаф с одеждой на месте, зеркало, отцовская гитара на стене, черный футляр...

Щелк, щелк!

И я поняла!.. Я наконец поняла – звуки исходят из этого ящика, из этого футляра, так скромно стоящего возле двери. Это из него что-то щелкает, как будто призывая к чему-то.

Что же это может быть? – спрашивала я себя. – Какое-нибудь животное? Птица какая-нибудь щелкает клювом, призывая на помощь? Попугай, например... Или часы... Госпо-

ди! – внезапно осенило меня. – Что, если Соня права, и в ящике мина, которая по какой-то причине заработала и вот-вот взорвется! Не зря ли я отказалась от помощи Владимира Викторовича?..

Щелк, щелк!

Нет, – решила я, отменяя версию с миной. – Так часовой механизм не работает. Да и кому надо меня взрывать! Обойдемся без Владимира Викторовича! Нечего сидеть, надо набраться смелости и проверить в конце концов, что в этом ящике!

Я перебралась с кровати на коляску и подкатилась к футляру. Он стоял на том же месте, что и накануне, но сейчас от него исходило что-то зловещее, пугающее, или мне так только показалось после пережитых страхов.

Я обернулась на окно, штора была распахнута, давая возможность свежему воздуху спокойно проникать в комнату, и я подумала, что если кто-то сейчас смотрит в мое освещенное окно, то, вероятно, перед ним открывается странное зрелище – абсолютно голая женщина с нечесаными волосами в кресле-каталке раскатывает среди ночи по дому... Я похожа сейчас на ведьму...

Щелк, щелк!

Я смотрела на бархатный футляр, словно хотела проникнуть сквозь его стенки, осветить рентгеновскими лучами своих глаз таинственные внутренности, щелкающие непонятно чем, и тут мне стало ясно, почему он показался вна-

чале странным.

На нем же нет никаких запоров! – удивилась я. – Ни одного замочка или щеколдочки! Как же он тогда открывается?!

Я провела по верху футляра ладонью, но ни выпуклостей, ни каких-нибудь скрытых кнопочек или крючочков не обнаружила. Ничего подобного не было ни с боков, ни даже на дне. Я попыталась отыскать хотя бы щель между крышкой и футляром, но и ее не существовало. Только ноготь с треском обломила.

Щелк, щелк! – донеслось из футляра вновь.

Да и черт с тобой! – разозлилась я. – Хочешь щелкать – делай это во дворе! Буду я с тобой церемониться!

Я вытолкнула ящик в коридор, затем, открыв входную дверь, столкнула его с крыльца в темноту. Он прокатился по ступеням и скрылся в крыжовенных кустах.

– Вот так! – сказала я с удовлетворением.

А засыпая, подумала, что если в ящике какой-нибудь ценный музыкальный инструмент, то он непременно погибнет под дождем.

Должна сказать вам, Евгений, что у меня особое отношение к музыкальным инструментам. Мой отец, Фридрих Веллер, был гитарных дел мастером, известным во всей Европе, и после него в моей собственности сохранился один инструмент, который я решила никогда не продавать, какие бы жизненные невзгоды ни преследовали меня.

Знаете, Евгений, в чем заключался гений моего отца? Он

был самоучкой. Ни его отец, ни дед даже не обладали музыкальным слухом, а уж о том, чтобы смастерить какую-нибудь скрипочку или на худой конец вырезать из орешника дудочку для ребенка, – об этом и речи быть не могло. И дед и прадед мои были обыкновенными немецкими столярами, проживая жизнь на свое нехитрое рукоделие в местечке Менцель, что находилось в русской стороне в двадцати верстах от города Морковина. Их руки были приспособлены для примитивного столярного дела. Казалось, что красные толстые пальцы могут только сжиматься и разжиматься на ручках рубанка, выстругивая кондовые столы и табуреты к ним. Похожие на ветки деревьев, узловатые и распухшие, эти персты вряд ли могли ласкать или даже щекотать, так они были примитивно устроены.

Помимо отца в семье жили еще четверо детей, и все они были младше Фридриха, к тому же произошли девочками, что не предвещало повышения материального благополучия в семье. За девочками нужно будет давать приданое, а где его взять в достатке, когда за любую работу в Менцеле платят сущие гроши.

Когда отцу исполнилось девять лет, город Морковин посетила труппа бродячих гитаристов-венгров, и вечером в балаганном концерте маленький Фридрих впервые услышал музыку. Также он увидел, с помощью чего эта музыка возникает. Мальчика до глубины души поразило, что из обыкновенных деревяшек, хоть и умело составленных, получаются

столь божественные, столь созвучные его душе песни. После концерта, которым руководил маленький лысый человек, он долго не мог прийти в себя – слабел на обратном пути, бледнел за ужином, затем раскалялся весь вечер и чуть было даже не заболел нервно, продрожав всю следующую ночь под одеялом и бредя пальцами музыкантов, рождающими музыку. Тряска продолжилась и утром, охватив все тело мальчика, а также челюсти, жутко клацающие зубами и угрожающие перекусить язык.

Дабы не потерять единственного ребенка мужского пола, мой дед еще засветло решил отвести Фридриха к музыкантам, чтобы те объяснили происхождение нервной трясучки и немедленно предоставили рецепт избавления от нее. На всякий случай дед прихватил с собою ружье, заряженное картечью, – пригодится, если венгерское отребье не вылечит сына от трясуня, – взвалил мальчика на плечи и отправился в Морковин.

Каково же было удивление главы семьи, когда в месте расположения венгерского оркестра в предрассветном тумане он увидел вповалку лежащих музыкантов. Их синюшные лица были в запекшейся крови, а рядом валялись изломанные в щепки гитары.

– Что здесь произошло? – поинтересовался дед у кассирши Гретхен, зевающей в билетной будке.

– Перепились и передрались, – ответила кассирша. – Теперь трое суток будут спать. А, может, кто и того!.. – Гретхен

ткнула пальцем в небо. – На том свете уже спит!..

– Мальчика у меня от них трясет, – пожаловался дед.

– От них всех трясет! Стольких девок ночью перемяли!
Если бы не лейтенант Штеллер со своими солдатами, то не знаю, чем бы все кончилось.

– Мальчика у меня трясет, – повторил дед. – После их концерта и затрясло. Не знаю, что и делать... Думал, они помогут.

Он указал на пьяных и избитых музыкантов и, расстроившись от этой картины окончательно, просто махнул рукой, поднял сына на плечи и хотел было идти обратно в свой Менцель.

– Эй! – позвала Гретхен. – Подожди!.. Есть тут один... Живой и не пьяный.

Из-за спины кассирши, потупив глаза, выскользнул маленький лысый венгр и, виновато улыбаясь, спросил деда на русском языке, что тому надо.

– Ты вот что!.. – начал дед, опять опуская Фридриха на землю. – После вашей музыки сын у меня заболел. Не вылечишь – застрелю!

Лысый венгр побледнел после таких неожиданных слов, сам затрясся всем телом и залепетал отчаянно, что вовсе не лекарь он, что предназначения он другого – руководитель он оркестра, а лечить не умеет, и в доказательство тому вытащил из-под пиджака малюсенькую гитару и ловко перебрал ее струны пальцами, отчего получилась музыка.

– А верхнюю деку сломали! – пояснил он жалобно и показал на трещину возле грифа.

– Ты мне зубы не заговаривай! – сказал дед властно и снял с плеча ружье. – Будешь лечить мальчика? Последний раз спрашиваю! После вашего концерта заболел он!

– Лечить не умею! – возопил музыкант. – Поговорить попробую!

– Делай что хочешь, но чтобы мальчишку не трясло! – решил дед и поводил для остротки ружейными стволами. – Полчаса даю!

Сопроводив венгра и сына в балаган, в котором проходил накануне концерт, он оставил их наедине в еще наполненном терпким запахом пота помещении.

Музыкант усадил трясущегося Фридриха на лавку и некоторое время смотрел, как стучатся локти о ее спинку, вторя барабанной дробью клацающих зубов.

– Что же с тобой такое приключилось? – с недоумением спросил венгр. – Музыка на тебя так подействовала?

– М-м-му-зыка, – подтвердил мальчик.

– И что, не можешь остановиться?

– Не м-м-могу.

– Тебя как зовут?

– Фрид-д-дрих.

– А меня Геза. – Венгр протянул руку и крепко сжал ею трясущуюся ладонь мальчика. – Будем знакомы. Тебе сколько лет?

– Дев-вять.

– А мне пятьдесят, – грустно сказал венгр и покачал лысой головой. – Все проходит... И оркестра у меня больше нет! – Он протяжно вздохнул. – Ты что же, хочешь музыкантом стать?

– Не-а, – ответил Фридрих.

– Как нет?! – удивился Геза. – А что же тогда?

– Х-х-хочу эти штуки делать, – сказал Фридрих.

– Какие штуки? – не понял Геза.

– Из к-к-которых м-м-музыка происх-х-ходит.

– Гитары, что ли?

– Ага.

– Вот невидаль! – удивился музыкант. – Какое странное желание! – Он почесал в затылке, и неожиданно в глазах у него просветлело. – Если хочешь делать, так делай! – Венгр построил серьезное лицо, перекрестил мальчика трижды и торжественно произнес:

– Сегодня, третьего числа восьмого месяца, Фридрих... э-э-э... как фамилия твоя?..

– В-в-веллер, – ответил мальчик, разглядывая со вниманием музыканта.

– Итак, третьего числа, восьмого месяца, – продолжил Геза, – Фридрих Веллер, рожденный в...

– В Мен-нцеле.

– Рожденный в Менцеле, производится в гитарных дел мастера! И коим быть ему суждено до гроба!

В тот самый миг, когда лысый венгр закончил произносить свою торжественную речь, произошло великолепное психологическое чудо. Поняв свое предназначение, уверившись в нем, как будто желание зрело долгие годы, а музыкант его лишь озвучил, Фридрих неожиданно перестал трястись и клацать зубами. Он сдержанно поблагодарил своего крестного и предложил отремонтировать его поврежденную гитару.

Геза чуть было не поперхнулся от неожиданности, но удержал себя, счастливый тем, что произошло чудесное исцеление и ему не грозит сегодня пасть от картечного заряда.

Пусть мальчишка чинит гитару, решил он. Все равно инструмент испорчен и придется покупать новый.

– Держи! – опять торжественно произнес лысый венгр и протянул инструмент. – Очень дорогой работы, редкого таланта мастер делал! – соврал он и, подыгрывая себе, поинтересовался: долго ли продлится ремонт?

– Да дня два продлится, – ответил Фридрих. – А может, и все три. Как готово будет, сам принесу.

– Ну-ну, – ответствовал Геза, почувствовав, как от предыдущих переживаний немного ослабели все его члены, как размякли ляжки и холодные ягодицы, и, дабы взять себя в руки и взбодриться, он запредставлял себе, как вернется в билетную будку к Гретхен и помнет ее худосочные тела, начиная с откляченного зада и кончая впалым передом. – Ну-ну, – повторил он мечтательно. – Так до пятницы, зна-

чит...

Последующие два дня Фридрих не выбирался из мастерской. Он укрепил поврежденную гитару в столярные тиски, предварительно обвязав их губы пуховыми подушками, дабы не царапали лакировку, снял металлические струны и осторожно, с помощью острейшей стамески, срезал верхнюю деку. Затем зачистил шкуркой музыкальную фанеру, продвигаясь по конфигурации трещины, отполировал специальной щеточкой края и, совместив дерево в месте поломки, отправился в кухню варить клей.

Откуда он знал, как это делать, – одному Богу известно. Какое-то могучее влечение руководило им! Как будто губы самого Всевышнего нашептывали ему на ухо рецепты, но Фридрих добавлял в обычный столярный клей какие-то травы, найденные им по запаху тут же, на сеновале, плавил пчелиный воск, кроша в него куриный помет, а затем все смешивал, доводя до кипения на медленном огне, и пробовал с помощью маленькой ложечки на вкус...

Когда подошел к концу второй день, когда сваренный лак остыл до температуры осеннего дня, Фридрих смазал янтарной жидкостью края, а также трещину верхней деки и, уложив ее на прежнее место, стал поджидать, пока отремонтированная гитара просохнет.

К концу третьего дня мальчик в сопровождении своего отца появился в Морковине и протянул ошеломленному венгру починенный инструмент.

– Только вот струны я не умею натягивать, – пожаловался он.

– Так это ничего! Это я сам! – затараторил Геза, бросая на Фридриха испуганные взгляды и натягивая на костяные колки извивающиеся струны. – Что ж я, помочь не могу!.. Совсем без рук, что ли!

Через некоторое время, когда все было отлажено по строгим музыкальным законам, когда установилась тишина, лысый венгр откашлялся, зачем-то посмотрел в небо, ударил затем отчаянно по струнам и превратился в музыканта-виртуоза.

Фридрих восторженно слушал испанские переливы, роняя слезы на черную землю, а Геза, закатив в экстазе глаза, улыбался во весь рот, выделявая тонкими пальцами немислимые пассажи и отправляя чистейшие созвучия жаркого танго напрямик к своему венгерскому Богу.

Когда он напоследок хлопнул по струнам, прижимая их в окончание, худая Гретхен захлопала восторженно в ладоши, а отец Фридриха, застеснявшись, хмыкнул в кулак.

– Этот мальчик – гений! – прошептал Геза. – Он обладает великим талантом! Моя гитара никогда не звучала так, даже когда ее новенькую, двадцать лет назад, вложили в мои руки! Это поистине чудо! Сейчас мы стали свидетелями рождения великого мастера!

Геза встал во весь рост, поднял над головой гитару и закричал громогласное "ура".

– Ура-а-а! – подхватили остальные.

Таким образом, дорогой Евгений, и произошел из моего отца гитарных дел мастер.

К двадцати пяти годам Фридрих произвел на свет тридцать шесть чудесных инструментов, и два из них даже приобрел наследный принц Иордании, известный в мире гитарист. У меня сохранилось письмо Его Королевского Высочества, в котором тот по-детски восторженно хвалит отца и Бога за то, что они совместно потрудились, создав столь великолепные инструменты.

Благодаря своей трудной работе отец сумел скопить несколько денег, перевезти семью в Петербург и выдать четырех сестер замуж, дав за ними приличное приданое. Сам Фридрих женился намного позже, когда ему было почти тридцать. Его женой и моей матерью стала великолепная красавица Кэтрин, герцогиня Мравская, к которой сватались первые мужчины Европы, а она, ко всеобщему разочарованию, пожертвовала свое сердце простому, хоть и гениальному, гитарных дел мастеру. Через девять месяцев после скромной свадьбы Кэтрин скончалась при родах, оставив в воспоминание отцу лишь новорожденную меня, которая обещала через полтора десятка лет своею красотой возродить облик безвременно ушедшей жены.

Как-то, в один из летних дней, когда мне уже исполнилось семнадцать и я закончила первый курс медицинского института, в наш дом постучался огромного роста незнакомец с

черной как смоль шевелюрой, с мускулистыми руками робота и попросил моего отца сконструировать ему гитару.

– Кто вы такой? – поинтересовался отец.

– Я – музыкант, – ответил незнакомец, косясь своими черными глазами на меня.

– Как ваше имя?

– Бутиеро Аполлосис.

– Редкое для наших мест имя. Откуда вы родом?

– Я – грек. Но мать моя испанка.

– Что вы делаете в Петербурге?

– Учусь в консерватории.

– Понятно, – кивнул головой отец. – А вы знаете, что мои инструменты чрезвычайно дороги?

– Мой отец – апельсиновый король Греции, Димас Аполлосис, – с гордостью произнес гость, блеснув с пальца бриллиантовым перстнем, и опять с любопытством посмотрел на меня. – Я его единственный наследник!

– Понятно.

Отец на несколько минут вышел и вернулся в гостиную, неся в руках гитару, исполненную в манере испанских мастеров – со слегка удлиненным грифом.

– Покажите, что умеете! – предложил он, протягивая инструмент Бутиеро.

– Что, прямо сейчас?

– Вы стесняетесь? Вам должны были рассказывать, что я конструирую инструменты только для виртуозов. Причем

меня мало интересует чистая техника. Нужна душа! Виртуозность в сочетании с чувством. Это редкость.

– Я вовсе не стесняюсь!

Бутиеро взял из рук отца гитару, на несколько секунд закрыл глаза, настраиваясь, а потом заиграл что-то очень нежное и бережное, так что сладкая волна накатила на мое сердце и я ласково посмотрела на грека.

У него были очень сильные пальцы с крупными костяшками, поросшими черными волосами, и я была крайне удивлена, как такие сильные, вовсе не музыкальные руки, созданные скорее для борьбы, управляют с деликатным инструментом отца, заставляя нейлоновые струны плакать и страдать.

В игре Аполлосиса было все – и солнечная Греция с лазурным морем, в синеве которого плывут оранжевые апельсины, и полуденное спокойствие испанской сиесты с ее жарким любовным шепотом; бесчисленное множество оттенков страсти, неги и спокойствия – в общем, все то, что отличает истинный талант от механического виртуоза.

Когда Бутиеро закончил играть, я увидела, как по щекам отца текут слезы. Я и сама была растрогана, а оттого смотрела на Бутиеро, широко раскрыв глаза, в которых совсем не трудно было прочесть зарождающееся чувство. И Аполлосис его разглядел.

– Я построю вам гитару! – пообещал отец.

Они договорились о сроках и вознаграждении, и грек

ушел, подарив мне на прощание апельсиновую улыбку.

Нетрудно догадаться, что я влюбилась в Бутиеро. В свою очередь, он так же страстно ответил на мое чувство.

Мы стали встречаться, используя для свиданий каждую свободную минуту. Но наши отношения были на редкость невинны, какими не бывают уже в сегодняшние раскрепощенные времена. Ни одним движением, ни одним словом Бутиеро не пугал моей девичьей души, не торопил главного события, а терпеливо ждал, пока все произойдет естественно, когда Бог даст на это свое согласие.

Мы на целые дни уезжали за город, благо стояло превосходное лето с бурным цветением, с птичьими песнями, с парным молоком прямо из-под коровы, с купаниями в быстрых речках и взаимными шептаниями на ухо всяких нежных словечек.

В середине июля Бутиеро предложил мне стать его женой. Мы лежали на крыше нашего десятиэтажного дома, загорали, пили квас, разглядывая в небесах пролетающие самолеты, а потом мой возлюбленный грек, щекоча мои губы своими, тихо сказал:

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой! Я хочу, чтобы ты родила мне дочь и чтобы она была похожа на тебя!

– А если она будет похожа на тебя? – спросила я.

– Это будет трагедия, – ответил Бутиеро. – Ее никто не возьмет замуж.

– Тогда я рожу мальчика. Он вырастет до шести с полови-

ной футов и будет такой же сильный, как ты.

– Я люблю тебя! – произнес Бутиеро так страстно и нежно, как был на это способен грек, половина крови которого была замешена на жарком испанском вине.

– Я тебя тоже люблю! – ответила я и поняла, что именно сейчас произойдет то, чего так боятся или так ждут невинные девушки.

Он целовал мои плечи и грудь и все время повторял:

– Какая ты белая!.. Мой Бог, какая белая кожа!..

Он расстегивал пуговицы на моей юбке, тыкаясь носом в живот и жадно втягивая ноздрями воздух.

– Какая ты сладкая! – шептал Бутиеро и, слегка пугая меня, негромко рычал. – Какая ты...

Он не закончил фразы, так как ласки подошли к самому ответственному моменту. Мой белый живот открылся солнцу, и на него властно и нежно легла огромная рука, поглаживая и одновременно скользя к бедрам. Бутиеро навалился на меня, и волосы его груди щекотали мою грудь.

– Не бойся! – шептал грек, хотя я и не думала бояться. – Не бойся!..

Он целовал мою шею, слегка покусывая кожу, надавливая своими бедрами на мои.

– Не бойся...

Инстинктивно я пыталась сжимать колени, но под тяжестью тела Бутиеро ноги разошлись, и тут я испугалась. Что-то вспыхнуло у меня в глазах, чем-то обожгло в животе, и я

закричала...

Таким образом Бутиеро стал моим первым мужчиной, и все шло к тому, чтобы я вышла за него замуж. Отец с упорением трудился над новой гитарой, впрочем не оставаясь при этом слепым. Он отлично видел, что между мною и греком происходят недвусмысленные отношения, и боялся того мгновения, когда выросшая дочь покинет дом отца, следуя за мужем по неизвестным дорогам жизни.

– Ты поедешь в Грецию? – спрашивал меня отец.

– Поеду, если он захочет.

– А как же я? И как твой институт?

– У тебя куча племянников и сестры. Они не оставят тебя одного. И даст Бог, я рожу тебе внука. Тебе будет кому передать свое мастерство. И потом, в Греции тоже есть медицинский институт!

В такие минуты отец смотрел на меня пристально и, должно быть, вспоминал мою мать, красавицу Кэтрин, так рано ушедшую и оставившую его без женского тепла.

Вероятно, отец подсознательно боялся, что меня может постигнуть судьба матери, а потому призывал не торопиться обзаводиться детьми, а просто пожить в свое удовольствие. Но как бывает, мы рассчитываем на одно, а происходит совершенно другое.

Уже через месяц после того памятного июльского дня я поняла, что беременна и что непременно рожу своему возлюбленному мальчику, в жилах которого будут течь четыре

европейские крови – немецкая от отца и меня, английская от герцогини Мравской, моей матери, а греческая и испанская от Бутиеро.

К концу августа отец доделал гитару и вручил ее своему будущему зятю. Инструмент оказался одним из лучших произведений Фридриха, и Бутиеро каждый вечер садился возле моего намечающегося живота и наигрывал на гитаре сентиментальные и печальные мелодии, объясняя, что теперь играет не только для меня, но и для нашего будущего ребенка, дабы тот родился уже понимающим и любящим музыку.

А восемнадцатого сентября по радио объявили о начале Метрической войны. Японцы высадили на Сахалине свой десант и постреляли в утренние часы тысячи ни о чем не подозревающих русских.

Самое страшное заключалось в том, что маньчжуры находились в союзническом договоре с Грецией, и по условиям его страна лазурного моря на второй день должна была вступить в войну.

– Сограждане! – обратился к своему народу Президент в тот же вечер. – Сегодня России объявлена война! Части японской регулярной армии высадились на Сахалине и под прикрытием боевой авиации продвигаются в глубь острова. По условиям японо-греческого договора завтра в войну вступит Греция, и Россия вынуждена будет воевать на два фронта. Я призываю свой народ сохранять спокойствие, бдительность, а также быть верными "Русской системе измере-

ний"! Уже завтра министр обороны выступит с телевизионным обращением и разъяснит условия частичной мобилизации. Я уверен, что мы способны защитить рубежи нашей Родины, обходясь лишь регулярными частями, но хорошо обученные солдаты и офицеры запаса должны быть готовы прийти на помощь регулярной армии.

Дорогие сограждане! В эти тяжелые для всех нас дни призываю вас сохранять мужество и верность "Русской системе измерений"!

Вечером восемнадцатого сентября из Афин позвонил Димас Аполлосис, апельсиновый король и отец Бутиеро, и приказал сыну немедленно возвращаться на родину.

– Я не могу этого сделать! – возражал Бутиеро. – У меня здесь беременная жена!

– Она тебе вовсе не жена! – кричал в трубку апельсиновый король. – И вообще, тебя посадят в тюрьму в России как врага!

К сожалению, Димас Аполлосис был прав. Наши власти дали всем японцам и грекам сорок восемь часов на то, чтобы выехать из России, и предупредили, что все оставшиеся после обусловленного срока могут рассматриваться как лица, сотрудничающие с врагом.

За день до окончания ультиматума мы с Бутиеро сидели на крыше нашего дома, тесно прижавшись друг к другу, как будто нам было холодно, а вовсе не стоял теплый осенний вечер.

– Они посадят тебя! – говорила я и целовала своего грека в подбородок. – Уезжай!

– Если я уеду, то они будут говорить, что ты родила ребенка от врага! Я не смогу тебе помочь! – отвечал Бутиеро. – Наш ребенок будет здесь отверженным! Поедем со мною!

– В Греции будет то же самое, – возразила я. – И потом, тебя призовут в армию и ты будешь стрелять в моих соотечественников!

– Я не смогу этого делать!

– Тогда тебя самого расстреляют за дезертирство!

– Что же делать? – спросил Бутиеро растерянно.

– Не знаю, – ответила я.

Мы сидели на крыше дома и смотрели на уходящее за высотные дома солнце. Его огромный огненно-красный диск казался мне столь печальным, столь символичной была его огненность, что я вдруг почувствовала всю обреченность, всю чудовищность нашей ситуации. Казалось, и Бутиеро думал о том же. Он еще крепче обнял меня, затем что-то хотел спросить, но прервался уже на вдохе, и я увидела в его глазах безмерную тоску, какой еще никогда не замечала в человеческих глазах.

– Ты меня любишь? – спросил Бутиеро очень тихо.

– Ага, – кивнула я.

– Закрой глаза, – попросил он.

Дело в том, что я очень его любила и очень доверяла. Но вместе с тем я до конца не знала, что таит в себе темпера-

мент гитариста Бутиеро Аполлосиса, грека и испанца, сына Димаса Аполлосиса. В конце концов, мы были знакомы всего два с половиной месяца. . . Я закрыла глаза, как он просил, и вжалась в его огромное плечо. Плечо вибрировало, как будто Бутиеро напряг мышцы, чтобы я ощутила его силу, чтобы могла спрятаться за нее и ничего не бояться.

Так мы просидели некоторое время, ощущая своими душами тот великолепный объединяющий порыв, который иногда охватывает очень близких людей. Слезы катились из моих закрытых глаз, а Бутиеро все гладил меня по голове своей большой ладонью, и на миг мне показалось, что он тоже плачет, поддавшись трагичности нашей ситуации.

– Не открывай глаза, – прошептал он.

– Я не смотрю, – подтвердила я, ловя губами горькие капли своих слез, а оттого жалость еще более охватывала все мое существо, и я чуть было не разрыдалась окончательно.

Бутиеро поднял меня на руки и, прижимая к своей груди, сделал шаг с крыши.

– Прощай! – услышала я или мне только показалось. . .

Я открыла глаза только тогда, когда почувствовала, что мы летим. Почему-то я совсем не испугалась. По-прежнему находясь в объятиях Бутиеро, я смотрела на приближающуюся землю. Казалось, что она приближается странно медленно, словно растянулось время. Я видела стоящих внизу людей, которые задрали к небу головы и с ужасом смотрели на наш полет; увидела регулировщика движения, остановившего ав-

томобильный поток и дающего возможность пожилому инвалиду перейти дорогу.

Зачем мы летим? – вертелось у меня в мозгу. – Ведь мы разобьемся!..

Я попыталась оттолкнуться от Бутиеро, упершись ему в живот руками, но он так крепко меня обнимал, будто прирос ко мне. Вероятно, это меня и спасло от неминуемой смерти.

Прежде чем потерять сознание, я услышала звук от нашего падения. Более страшного звука я не слышала в жизни. Такой шлепок получается только от падения живого тела с большой высоты, когда кости разрывают ткани, когда плоть прессуется в биомассу. Никогда ничего похожего не бывает с предметами...

Потом я провалилась во что-то черное и очень бесконечное и оттуда услышала:

– Сегодня в городе уже третий такой случай! Обнимаются и сигают с крыши!

Другой голос подтвердил:

– В полуденных новостях сообщали! Я сам видел по телевизору репортаж!

– Вероятно, что-то в природе происходит! – сказал третий.

– Война! – констатировала женщина.

Когда, оповестив о трагедии все окрестности, завывая сиреной, "скорая помощь" остановилась поперек улицы, я открыла глаза и увидела перед собой форменные полицейские

ботинки – начищенные до блеска, с туго затянутыми шнурами. Затем мою голову небрежно прикрыла белая простыня, оставляя часть лица открытой, и я поняла, что меня окончательно принимают за мертвую. Кому придет в голову мысль, что можно спастись, спрыгнув с десятого этажа. А я совсем не хотела быть мертвой и, разглядывая форменные ботинки, попыталась закричать. Но в горле у меня что-то заклокотало, забулькало и резануло в груди кинжальной болью. Ощувив во рту привкус крови, я испугалась, что мне вовремя не окажут помощь и я сейчас умру.

Мне совсем не хотелось умирать, а потому я собралась с силами, вытянула шею и что есть мочи укусила за полицейский ботинок.

– Ой! – вскрикнул полицейский.

Инстинктивно дернув ногой, он чуть было не выбил мне зубы, но затем, что-то сообразив, сдернул простыню и заглянул мне в лицо.

– Ой! – повторил полицейский, и я поняла, что он ненамного старше меня. Может быть, ему лет двадцать. – Кажется, она жива!

И тут все бросились ко мне, засуетились. Тут же надели кислородную маску, пришили к руке капельницу и только после этого переложили мое тело на носилки.

– Вы слышите меня? – спросил врач, наклонившись ухом к самым моим губам.

Я его слышала, но отвечать не могла, да и не хотела.

– Она в шоке, – пояснил кому-то врач и втянул шприцем какую-то жидкость из ампулы.

– Надо же, как повезло! – отозвался чей-то голос. – Это он своим телом смягчил падение! Она прямо на него упала, а потому осталась живой! Смотрите, как парня распластало! Не голова, а просто лепешка!

Под завывание сирены "скорая" помчалась в больницу. Врач то и дело нащупывал на моем запястье пульс и, глядя на медсестру, объяснял ей:

– Вы не обращайте внимания, Таточка, что глаза у нее открыты. Она без сознания. Вероятно, у нее сломан позвоночник.

– А она выживет? – с участием спросила медсестра. – Такая молодая!..

– Думаю, что выживет, – успокоил врач. – Только ходить, наверное, не сможет.

– Я бы покончила с собой, если бы со мною такое произошло! Всю жизнь просидеть в инвалидной коляске!.. – Девушка что-то представила себе и, уверившись окончательно, решительно сказала:

– Полпачки титломазолина, и все! Уж лучше в печь крематория, только не стать инвалидом!

Удивительно, но я не чувствовала боли. Я лежала на носилках и как-то отстраненно думала о том, что в моей жизни произошло нечто ужасное! Мой мозг равнодушно переваривал информацию о том, что у меня сломан позвоночник, что

Бутиеро Аполлосис, мой возлюбленный, гитарист-виртуоз с руками борца, превратился в лепешку и теперь его уже не касаются проблемы интернациональных браков в условиях войны.

– У вас есть титломазолин? – спросила я шепотом и потеряла сознание.

Уже в больнице на следующий день я узнала, что у меня случился выкидыш и что мой ребенок не вырастет врагом. Жизнь Бутиеро Аполлосиса и его семени осталась в прошлом, растворившись сладким сиропом в горьких воспоминаниях.

Когда Димас Аполлосис узнал о смерти сына, он в патриотическом порыве выписал чек на пять миллионов долларов и передал его лично министру обороны Греции, дабы тот умело распорядился этими деньгами для борьбы с русскими.

– Они будут все измерять на метры и взвешивать на килограммы! – пообещал в своей речи апельсиновый король. – Если для этого понадобится еще пять миллионов, то вы знаете, у кого их попросить!

Узнав о происшедшем со мною несчастии, Фридрих Веллер, гитарных дел мастер, внезапно ослабел сердцем, вскинул к небу гениальные руки и отправился в небеса к своей прекрасной Кэтрин.

Таким образом, дорогой Евгений, со мною произошло несчастье, о котором я вам обещала рассказать. С тех пор минуло достаточно лет, и я не тоскую более об утерянном

счастье.

Единственной памятью об отце и Бутиеро Аполлосисе осталась висящая на стене гитара, которую я изредка снимаю и прижимаюсь к холодным струнам щекой. Я совсем не умею играть, но иногда мне кажется, что гитара сама способна рождать печальные испанские песни, коснись я ее нейлонами пальцами.

Итак, Евгений, перед этим лирическим отступлением я рассказывала вам о том, что посреди ночи меня напугал своими странными звуками найденный накануне футляр. Также я уже вам поведала, что столкнула его с крыльца в кусты крыжовника, но подумала, что если в нем заключается какой-нибудь музыкальный инструмент, то он непременно погибнет под дождем.

Уже светало и перестал дождь, когда я решила отправиться на улицу за футляром и вернуть его в дом, впрочем не внося в комнату, а просто оставить в коридоре до утра. Завтра разберусь, что с ним делать, – решила я и, раздраженная бессонной ночью с ее шумными сюрпризами, вновь переползла с кровати на коляску, натянула на голое тело халат и выехала на крыльцо.

Ящик валялся там же, куда я его сбросила. Скатившись по специальному пандусу в сад, я подобрала его; он к этому времени действительно пропитался влагой, и казалось, что бархатная обивка уже сгнила и разъезжается под пальцами.

– Анна Фридриховна? – услышала я из-за калитки удив-

ленный голос. – Это вы?

От неожиданности я выронила ящик и обернулась на голос.

– Не пугайтесь! – успокоил голос. – Это Владимир Викторович, брат Сони-почтальонши. Иду на рыбалку и гляжу – вы тут, в саду!..

Он смотрел на меня из-за забора, и я чувствовала, как его глаза буравят меня, выглядывая мою грудь из плохо запахнутого халата.

– Сейчас карасик хорошо клюет! – добавил Владимир Викторович. – А мне тут Соня рассказала о вашей находке. Я, конечно, не думаю, что это мина, но, знаете, японцы на все были способны. Так что если нужна моя помощь в саперном деле или вообще что-нибудь по хозяйству, например, – он нашел в себе силы перевести взгляд с моей груди на крышу дома, – обращайтесь по-свойски!

– Спасибо, Владимир Викторович, – ответила я. – Непременно воспользуюсь вашим предложением!

– А что вы так рано в саду делаете? – спросил Сонин брат. – Еще пяти нет.

– Крыжовник собираю.

– А-а, – кивнул головой Владимир Викторович и собрался уже идти своей дорогой, как вдруг спохватился:

– А какой же сейчас крыжовник?!. Осень уже!

– У меня хладостойкий крыжовник, – пояснила я. – Из Новосибирской области саженцы выписывала!

Окончательно удовлетворившись ответом, Владимир Викторович пошел по дорожке к пруду, и еще с минуту я слушала, как позвякивают его рыболовные снасти, стучаясь грузилами об эмалированное ведро.

Вероятно, сегодня уже не заснуть, – подумала я, осторожно промокая пропитанный водой футляр махровым полотенцем. – Днем все будет валиться из рук!.. А футляр-то, однако, изрядно попортился под дождем! – Я достала фен и включила его на полную мощность. – Вон как бархат скукожился!..

И тут футляр открылся. Совершенно беззвучно! На миг мне показалось, что в нем что-то завибрировало, тыркнулось живым в стенку, затем крышка чуть приподнялась, словно из-под нее выглядывали, а потом и вовсе распахнулась. Руки мои отнялись, футляр опрокинулся с колен на пол, вываливая на паркет своё содержимое.

Признаться, Евгений, я отчаянно взвизгнула, и, будь с моими ногами все в порядке, я бы сиганула, не раздумывая, в форточку и бежала бы без оглядки, куда взгляд простирается, так мне было страшно. А здесь оставалось лишь прилипнуть попкой от ужаса к кожаному сиденью коляски и быть бессильным свидетелем своего страха.

Ах, Евгений! Вы никогда не задумывались о природе страха? О его истинной сущности?.. Ведь что такое страх?.. На мой взгляд, это что-то привносимое в человека со стороны. Ведь это не мозг рождает в желудке испуг, потому что зача-

стую наши мозги не успевают среагировать на событие, испугавшее нас, а адреналин в желудке уже плещется, укачивая рыбку страха... Я думаю, что страх – это некая субстанция, живущая параллельно с нами, и, когда создается благоприятная ситуация, наш организм впускает на некоторое время эту субстанцию, как бы оплодотворяясь ею. Страхи рождают самые серьезные мыслительные процессы!

Но я вновь отвлеклась!

Итак, все содержимое вывалилось на пол. Им оказались три продолговатых предмета, затянутых в материю, похожую на одежный брезент и перехваченную с одного конца шнуровкой.

Эти предметы были бы похожи на батоны колбасы, если бы не чехлы.

Наверное, части саксофона, – решила я, но, когда совместила их в своем воображении в три длины, у меня получился музыкальный инструмент размером более двух аршин. Таких саксофонов не бывает!

Чего уж легче – взять подкатиться к этим колбасам да проверить их содержимое, развязав на чехлах шнуровку. Но что-то останавливало меня, заставляя потеть и отирать о полы халата ладони.

Я взяла со стола пульт дистанционного управления, включила телевизор и, щелкая программами, искоса поглядывала на содержимое футляра. Батоны без движения лежали на полу, и я прибавила в телевизоре громкости. Большинство

программ еще не начали работу, транслируя лишь циферблат часов с указанием точного времени.

Пять часов шестнадцать минут.

В половине шестого наступит время "Ч", и я посмотрю, что там в чехлах, решила я, переключая телевизор на интернациональный канал, работающий круглосуточно и транслирующий мировые новости.

– Вчера в России, – сообщил диктор с раскосыми монгольскими глазами. – Вчера, около двенадцати часов ночи, в Анварской тюрьме скончался приговоренный к пожизненному заключению автор Русской Метрической системы Прохор Поддонный. Мировая общественность скорбит о безвременной кончине выдающегося ученого-метриста и выражает его родным и близким, а также передовым согражданам России свои искренние соболезнования.

Прохор Поддонный родился сорок девять лет назад в небольшом русском селе Вонялы под городом Мысловец в семье учителей, – продолжал диктор. – Закончив Мысловецкий государственный университет, Прохор поступил в Московскую аспирантуру при "Комитете по абстрактным категориям" и через четыре года защитил диссертацию по теме: "Системы измерений в мировом сообществе".

Следующие четырнадцать лет своей жизни Поддонный отдал на создание Русской Метрической системы, которой вот уже семнадцать лет пользуется мировое сообщество. И только родина гения отринула величайшее открытие столе-

тия, еще раз доказав, что нет пророка в своем отечестве! Девять лет назад Прохор Поддонный был удостоен Нобелевской премии, но получить ее не смог, так как к этому времени находился в тюрьме, приговоренный к пожизненному заключению.

За год до смерти Поддонному удалось передать на волю из тюрьмы новый фундаментальный труд под названием "Правостороннее движение", который сейчас анализируют лучшие мировые умы в области экономики и философии, а президенты всех развитых стран ждут их оценки.

Не дай Бог, опять война! – подумала я и посмотрела на часы. Пять часов двадцать девять минут. Еще несколько мгновений, и наступит время "Ч".

Я выключила телевизор и, дважды крутанув колесами, подкатилась к футляру. Подняв один из чехлов, ощупала его от одного конца до другого, обнаруживая какие-то знакомые очертания, но так и не смогла определить через материю, что это такое. Как будто что-то из резины, или...

Я дернула за шнуровку, веревки распустились, и прорезиненный чехол сполз, обнаруживая под собой часть сжатой в кулак руки. С безымянного пальца сверкнуло золотом кольцо.

– Мать честная! – произнесла я вслух, вздрогнув от неожиданности. Увиденное настолько ошеломило меня, что я застыла с находкой в руках и пялилась на нее, не зная, что предпринять. Несмотря на оторопь, охватившую весь мой

организм, я тем не менее не испугалась. Может быть, потому, что в свое время навидалась в институте всяких там отрезанных конечностей и культей, оставшихся после ампутаций, а может, потому, что устала бояться и надпочечники более не в состоянии выделять адреналин.

Вот это... Вот это да! – тупо вертелось у меня в голове. Сомнений не было – и в двух других чехлах также находятся руки. Кого-то разрезали на части! – догадалась я, заталкивая сжатый в предсмертном усилии кулак обратно в чехол. И не одного расчленили, – сделала я еще одно открытие. – Трех рук у человека не бывает!.. Надо отвезти страшную находку в полицию! – Я сложила найденное обратно в футляр, покатила в ванную, и там меня несколько раз вывернуло наизнанку.

Дорогой Евгений! Я заканчиваю свое письмо, так как чрезвычайные обстоятельства, описанные мною выше, не позволяют мне далее продолжать! Надеюсь, что мне удастся преодолеть все неожиданности и я вскоре вновь сяду за письменный стол, чтобы неотложно поделиться с вами новостями!

Ваша Анна Веллер

P.S. Что-то письмо ваше запаздывает!

P.P.S. Что ваш жук?

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

**Отправлено 14-го декабря
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Дорогая, прелестная, милая Анна!

Всемиловитейше прошу вас простить меня за то, что заставил ждать ответного письма! Но вы ведь знаете обстоятельства, по которым я вынужден писать реже, чем мне бы того хотелось!

Надеюсь, к тому времени, когда вы получите это послание, ваши ужасные напасти каким-то образом разрешатся и уголовное следствие определит, кому принадлежал этот злополучный футляр с его чудовищным содержимым!

Также надеюсь, что случившееся не оставит на вашей психике серьезной раны, так как я представляю вас женщиной сильной, способной перенести и не такие невзгоды.

Вы спрашиваете меня, как мой жук?.. Что ж, немного расскажу вам о моем *Hiprotomus'e Viktotolamus'e*.

Через два дня после получения диагноза я отправился в читальный зал библиотеки при Зоологическом музее, дабы более тщательным образом познакомиться с моим... э-э-э, как бы это сказать, ну, пусть будет – соседом. Если мне предстоит с ним уживаться неизвестно сколь долгие времена, то

я обязан знать о нем как можно больше.

Я попросил библиотекаршу подобрать мне книги по экзотическим насекомым.

– Какого региона? – спросила в ответ худая бледная особа.

Вот этого как раз я и не знал.

– Экзотических насекомых много! – пояснила библиотекарша, натягивая на указательный палец напалечник.

Мне совсем не хотелось объяснять, что разыскиваю я *Hiprotomus'a Viktotolamus'a*, так как мало ли чего она могла заподозрить, а потому я попросил подобрать мне книги по южным регионам.

– Африки?

– Давайте Африки, – согласился я.

– Подходите через два часа, – сказала она, затем посмотрела на мою коляску и поправилась:

– Подъезжайте.

– Однако, как долго! – посетовал я.

– Внизу есть бар, – предложила бледная особа, ловко тасуя с помощью напалечника формуляры с новыми поступлениями.

В баре я был в совершеннейшем одиночестве, если не считать пожилого бармена, который сварил мне кофе и надолго ушел в подсобное помещение.

Я пил кофе маленькими, но частыми глотками и размышлял о том, чем займусь в остальные полтора часа.

– Ну и зачем вам понадобилось знать обо мне подробно-

сти? – услышал я за спиной хриплый мужской голос.

Обернувшись, я никого не увидел и решил, что голос до-
несся из подсобного помещения.

– Вы меня не там разыскиваете! – опять услышал я.

На сей раз мне показалось, что говорят с правого боку. Но
и там никого не было.

– Перестаньте вертеть головой! – сказал незнакомец с лег-
ким раздражением. – Пора бы уже понять, кто с вами разго-
варивает!

В правой руке у меня что-то резануло, затем кольнуло иг-
лой изнутри, и я чуть было не поперхнулся попавшей в горло
кофейной гущей.

– Неужели?! – внезапно догадался я, потирая шишку,
проткнутую каким-то шипом.

– Да-да. Только не надо говорить вслух и так громко! До-
статочно того, что вы будете говорить про себя, иначе вас
примут за сумасшедшего!

– Нip... Niprotomus Viktotolamus?! – спросил я про себя,
чувствуя, что на самом деле схожу с ума.

– Он самый, – подтвердил жук. – Ну и зачем вы сюда при-
тащились?

– Чт-т-тобы уз-з-знать о вас побольше! – Даже про себя
я заикался.

– Я практически нигде не описан, – сказал жук. – Так что
вы ничего не найдете здесь обо мне!

– Что же мне д-д-делать?

– Отправляйтесь домой!

– А как же заказ?

– Раскидают опять по стеллажам.

– Х-х-хорошо, – согласился я и выкатился на улицу.

– Погуляем? – спросил *Hiprotomus*, когда я протянул руку, чтобы остановить такси.

– Е-е-если хотите.

– А почему нет. Свежий воздух полезен не только животным, но и насекомым. Опустите, пожалуйста, руку и, если не трудно, не делайте правой конечностью резких движений, так как... – жук сделал паузу. – Используйте, в общем, левую!

– Хорошо, – опять согласился я, наконец справившись с заиканием. – Где будем гулять?

– А где хотите. Можем просто посидеть возле какой-нибудь лавочки. Возьмем белую булочку, покормим птичек.

Купив пару свежих рогаликов, я поехал... или мы поехали – в сквер, в котором обычно собираются матери с маленькими детьми, желающими покормить, а заодно и попугать жирных городских голубей. Остановившись под огромным дубом, я растер между ладонями часть рогалика и стал раскидывать крошки перед собой, приговаривая: "Гули-гули".

– Что вы хотите узнать обо мне? – спросил жук, когда несколько сизых голубей спланировали из-под крыш и, задрав свои хвосты к небу, принялись клевать с асфальтированной дорожки белый хлеб.

– Мне было бы интересно знать, к какому вы принадлежите виду?

– Виду?!.. – удивился жук, и мне показалось, что он хмыкнул. – А вы что, энтомолог?

– Нет.

– Вы просто любите природу?

– Знаете, когда чем-нибудь заболеваешь, то непременно хочется узнать о своей болезни все.

– Я не болезнь.

– А кто вы? Или что вы?

– Все-таки – кто, – уточнил *Niprotomus*. – Я существо одушевленное. Я – не болезнь! Я – приобретение.

Я промолчал и стал наблюдать за снующими по плодородному пятаку птицами. Их было уже несколько десятков. Жирные, они старались опередить друг дружку и выхватить из-под клюва соперника понравившуюся крошку.

– Вы что, не склонны считать, что я приобретение? – поинтересовался жук.

Неопределенно пожав плечами, я оторвал от рогалика поджаристую корку и запустил ею в птичье месиво. Трусливые на миг взлетели, а затем вновь рухнули к кормушке, расталкивая смелых.

– В общем, ваше дело, за кого меня принимать, – согласился *Niprotomus*. – Как говорится, время покажет.

Я почувствовал, как жук зашевелился под кожей, словно принимал более удобное для себя положение.

– Я принадлежу к семейству жуков-рогачей-зимников, – признался жук. – Мы единственный вид, который может существовать при самых лютых морозах. Причем мы не впадаем в коматозное состояние спячки, ожидая оттепели, а существуем активно, как и в благополучные сезоны.

– А как вы выглядите? – спросил я.

– Вы имеете в виду внешне?

– Ага.

– Обыкновенно. Чем-то похож на майского жука. Только рога больше, панцирь крепче. Кстати, в моем панцире содержится огромное количество полезных лекарственных веществ.

– В самом деле?

– Определенно. Пока я нахожусь в вашем организме, вы защищены от простуды. Вам не страшны ни респираторные заболевания, ни даже грипп! Мои выделения способствуют нормализации почечного давления. Так что теперь вы понимаете, что я – приобретение?

– Теперь – да.

– У меня шестнадцать ножек. На каждой по сорок чувствительных рецепторов, которые способны определять климатическое состояние окружающей природы и передавать в мой мозг ее параметры. В зависимости от погодных перемен я могу регулировать защитные силы своего организма... Кстати, – жук опять шевельнулся, от чего я недовольно поморщился, – у меня нет крови и нет глаз.

– Я знаю, что в насекомых нет крови! Помню, в детстве частенько давил каблуком жуков-короедов. Оставалось только такое белесое мокрое пятно.

– В общем-то это не делает вам чести, – ответил *Niprotomus*.

– А как же вы ориентируетесь в пространстве? – полюбопытствовал я. – Без глаз-то!

– Мои рога – передатчики ультразвукового сигнала, с помощью которого я прекрасно перемещаюсь. Чтобы вам было понятно, я посылаю сигнал, и он, отразившись от препятствия, вновь возвращается ко мне. Чем ближе препятствие, тем быстрее он возвращается.

– Примитивное устройство.

– Какое есть, – отрезал жук. – Кстати, сейчас я прекрасно вижу! – уточнил он. – Пользуюсь вашими глазами.

Забросив очередную порцию хлеба в голубиную свалку, я закрыл глаза и мысленно спросил:

– А сейчас видите?

– Нет, конечно.

Я вновь открыл глаза и заметил среди голубей какую-то ярко окрашенную птичку, которая в отличие от остальных не склевывала с асфальта крошки, а поглядывала в мою сторону, подергивая зеленой с хохолком головкой.

Потерявшийся попугай, – решил я.

– Что вы говорите? – спросил жук.

– Ничего. Это я сам с собой. Позвольте спросить вас?..

– Пожалуйста.

– В какой связи находятся наши с вами органы чувств?

– Органы чувств? – задумался Нiprotomus. – Да, пожалуй, не в значительной. Зрение, как я уже говорил, да возможность общаться через общий нерв.

– И все?

– А что, вам недостаточно этого?

– Знаете, – искренне признался я, – я бы вовсе обошелся без вас!

– Грубо. Посмотрим, что вы скажете в будущем.

– А я думал, что мы переговариваемся телепатически!

– Нет, – пояснил жук. – Телепатия здесь ни при чем. Когда вы произносите что-то про себя, еле заметные колебания голосовых связок передаются мне по "тонкому" нерву и я их воспринимаю!

– А как же я принимаю вашу речь? У вас что, тоже есть голосовые связки?

– Дело в том, что мои рога способны колебаться с такой частотой, что получается подобие человеческой речи...

– По-моему, все это чушь! – разозлился я. – Не знаю, зачем вам нужно меня обманывать! Какие-то колебания выдумали!.. Через "тонкий" нерв!..

От охватившего меня раздражения я поднял над головой правую руку и с удовольствием потряс ею.

– Вы – врете! – крутил я локтем. – Вы воспринимаете слова именно телепатически, но хотите, чтобы я считал по-дру-

тому, дабы подслушивать мои мысли!

– Вовсе нет! – воскликнул жук. – И не трясите, пожалуйста, рукой!

– Нет?!. А когда я подумал о попугае, вы тут же среагировали на мою мысль!

Я так тряхнул рукой, что *Niprotomus* отчаянно вскрикнул.

– Перестаньте, пожалуйста! Ну, вы правы! Ну, пусть я вас обманул! – ныл жук, а я продолжал взмахивать рукой, пока не привлек внимание какого-то прохожего. Он тоже помахал мне в ответ, вероятно принимая за знакомого. – Прошу вас, перестаньте! – умоляло насекомое.

Вернув правую руку обратно на подлокотник коляски, я, все еще злой, глубоко задышал, стараясь успокоить нервы.

– А вы не дурак, – сказал жук, когда мой пульс восстановился, а ноздри перестали раздуваться.

– Слава Богу.

– Поверьте, – оправдывался жук, – подслушивать ваши мысли вовсе не самоцель для меня!..

Я обиженно молчал и смотрел на пеструю птичку, которая казалась мне теперь не попугаем, а скорее – канарейкой. Птица по-прежнему не обращала внимания на голубиную свалку, а стояла, приподнявшись на своих тонких лапках, вытягивала головку с хохолком на зобастой шее и заглядывала мне издали в глаза.

– Поверьте!

– Тогда скажите, какая ваша истинная цель!

– Это не так просто объяснить! – продолжал оправдываться Нiprotomus. – Но вам ничего не угрожает!..

– Либо вы говорите о своей истинной цели, либо...

– Либо что? – спросил жук, и я почувствовал, что настроение его изменилось. В голосе или имитации такового послышались стальные нотки. – Вы хотите предъявить мне ультиматум? Или припугнуть меня? Ну что ж, попробуйте!

А что, собственно, я могу ему сделать? – задумался я. – Какой ультиматум выдвинуть?.. Ни вырезать это гадкое насекомое из-под кожи, ни что-либо другое сделать с ним я не могу. Врач предупреждал, что любые радикальные средства приведут мой организм к серьезным последствиям. Полному параличу или слепоте с глухотой. Остается лишь махать рукой, доставляя жуку мелкий дискомфорт. Да и рука может в конце концов оторваться!..

Внезапно жук пронзил мою кожу своей иглой, и я вскрикнул на весь сквер отчаянно, распугивая насытившихся голубей. Лишь маленькая цветная птичка не испугалась, а раскрыла свой клюв, показывая тонкий загнутый язычок.

– Это чтобы вы понимали, что я могу делать в ответ, когда вы машете рукой! – пояснил Нiprotomus. – И спешу вас предупредить – в моем арсенале возмездия достанет еще средств причинить вам массу неприятных ощущений! Поверьте мне на слово!..

– Какого хрена! – заговорил я вполголоса. – Какого хрена вы вторгаетесь в мою жизнь! По какому праву пользуетесь

моим телом, да еще при этом угрожаете мне, доставляя физические мучения, таракан вы этакий!

Игла вновь пронзила мою кожу, и дернулось мучительной болью все тело.

– Это вам за таракана! – объяснил жук и ткнул шипом еще раз. – А это на будущее!

То, что произошло дальше, я назвал охотой за саранчой. Когда первая болевая волна откатилась, я увидел, как маленькая цветная птичка щелкнула клювом, пряча язычок, затем распрямила острые крылья, оттолкнулась своими тонкими ножками от земли, взлетела мгновенно до верхушки дуба и упала с высоты камнем на меня. Она зацепилась за мою правую руку и с неистовым отчаянием принялась расклевывать рукав куртки, вонзая в болонью острую стрелу своего клюва.

– Уберите ее! – завизжал жук. – Сверните ей немедленно шею!

От наблюдаемой картины я на мгновение оцепенел, затем, видя, как гибнет куртка, махнул в гневе на птицу левой рукой, отгоняя ее от себя, но маленькая негодница, отлетев на несколько метров, развернулась и, опять набрав высоту, отчаянно ринулась в атаку.

– Раздавите ее! – вопил в испуге *Niprotomus*. – Иначе вас парализует так, что вы даже моргать не сможете!

– Кыш! Кыш! – шипел я, пытаясь поймать птицу в ладонь.

Один раз ей все-таки удалось проткнуть своим клювом

куртку и пиджачную материю под ней. Я почувствовал, как чиркнул клюв, оставляя на коже царапину, впрочем неглубокую.

– Она клюнула меня! – изумился жук. – Она клюнула меня!

В конце концов я изловчился и, достав птицу краешками пальцев, отбросил шлепком ее крошечное тельце на несколько шагов в сторону. Птичка отлетела к кустам, захлопала по земле крылышками, закрутилась вокруг себя, как будто пыталась избавиться от чего-то ей мешающего.

Не убил ли я ее ненароком?

Я вовсе не хотел этого делать, а потому смотрел на дергающуюся в грязи птичку с сожалением и очень хотел, чтобы она пришла в себя и улетела восвояси.

– Ишь ты, дрянь какая! – не успокаивался жук. – Мне кажется, что она достала до моего тела.

– А ведь она выклевывать вас хотела! – сказал я с неким удовлетворением.

– А что вы радуетесь? Не вижу повода для злорадства!.. Если бы она меня... э-э-э... съела, то ваше и без того немощное тело сейчас бы слепло и глохло в инвалидной коляске!

С этим я не мог не согласиться, а потому молча наблюдал за тем, как птичка все-таки поднялась на свои ножки, покачалась из стороны в сторону на тонких, а затем оттолкнулась от земли и, виляя, на низкой высоте полетела в свою сторону.

– Поеду домой, – решил я.

– Правильно, – согласился Нiprotomus, и мы покатались к шоссе, чтобы остановить такси.

Возле дома я купил питу с кусочками говядины, полил ее майонезным соусом и без особого аппетита принялся есть.

– Что-нибудь вегетарианское было бы полезнее для вас! – прокомментировал жук. – Салатик какой-нибудь овощной или винегрет!..

– Не ваше дело! – огрызнулся я.

Жук вздохнул.

– И чего вы все время такой грубый?! – с сожалением то ли спросил, то ли констатировал он.

– Скажите, это ваших рук дело, – я опять на мгновение запнулся, – или лап, в общем, как угодно. Это вам я обязан галлюцинацией несколько дней назад?

– Какой именно?

– Погибший под колесами пролетки мальчишка.

– Ах, мальчишка! – вспомнил Нiprotomus. – Мальчишка с вашей физиономией!

И тут я понял, что показалось мне тогда знакомым в погибшем подростке. Он был очень похож на меня в детстве.

– Моя работа! – признался жук. – Вам было тогда скучно, и хотелось развлечь вас каким-нибудь пустячком!

– А почему подросток был с моей физиономией?

– Да за-ради баловства одного!.. К тому же в какой-нибудь из параллельных жизней с вами вполне могло произойти нечто похожее!..

Питу я запил стаканом минеральной воды и, взяв с прилавка зубочистку, принялся за гигиеническую процедуру.

– Все-таки переходите на овощи, – увещевал Niprotomus. – Всякая капуста, помидорчики с огурчиками позволяют быть менее восприимчивым к галлюцинациям!

Придя домой, я снял с себя куртку, пиджак, закатал рукав свитера и рассмотрел руку. Через шишку, как раз через ее середину, шла бордовая царапина, сделанная клювом маленькой птички. Царапина была не глубокая, но я для профилактики решил смазать ее перекисью водорода. Жидкость зашипела, испаряя следы крови, а я поспешно принялся дуть на руку, в которой теперь жил Niprotomus Viktotolamus, мой новый сосед.

Улегшись на кровать, я включил телевизор и, пощелкав программами, оставил канал для Путешественников.

– Господин Niprotomus, – спросил я, – вам нравится смотреть телевизор?

Жук не отвечал.

– Вы любите спорт или художественное кино?

Жук по-прежнему молчал.

Заснул, что ли? – подумал я. – Умаялся, бедный, сегодняшним днем и теперь почивает в моей жировой прослойке! Ну да и Бог с ним!..

Канал для Путешественников показывал восхождение группы итальянских альпинистов на Джомолунгму. Вся трудность восхождения состояла в том, что скалолазы штур-

мовали вершину с западной стороны горы в условиях плохой видимости, обусловленной весенним временем года... Камера оператора запечатлела гибель одного из участников экспедиции. Маленький итальянец по прозвищу Ящерица – синоптик в огромных солнцезащитных очках, поскользнулся на склоне в сорок пять градусов и, упав, покатился под гору. Все бы кончилось хорошо, если бы Ящерица при падении не выпустил из рук горный молоток, которым он мог зацепиться за снег и замедлить свое скольжение. Так или иначе, маленький итальянец пытался цепляться за снег руками, но, обветренный, тот был тверд, как лед, и Ящерица, то переворачиваясь на живот, то на спину, катился под откос все скорее, как чемпион-саночник. Финальной точкой его жизни стал взлет над пропастью. Джомолунгма трамплином выстрелила итальянца в небо, и целых тридцать шесть секунд он парил в пространстве, сопровождаемый собственным криком, пока наконец не рухнул на острые скалы, похожие на гигантские зубы аллигатора.

Как истинный профессионал, оператор экспедиции снял эту сцену до конца, а также запечатлел скорбные лица коллег-альпинистов.

Утомленный сегодняшним днем, я заснул под телевизор, и снился мне мой товарищ Бычков. Оказывается, это он был тем итальянским альпинистом, разбившимся о скалы.

Но ведь Бычков-русский! – удивлялся я сквозь сон. – И ростом он выше, нежели скалолаз!.. Вероятно, я сплю и мне

все это снится.

– Просыпайтесь! – услышал я команду. – Просыпайтесь!

Я открыл глаза и оглядел комнату, решив со сна отыскать в ней Бычкова. Но в комнате, конечно же, никого не было, лишь по-прежнему работал телевизор, рассказывая зрителям про жизнь тропического леса.

– Проснулись? – спросил жук.

Я покашлял.

– Часа два проспали... Сейчас уже такое время, что если спать дальше – рискуете не заснуть ночью!

На экране телевизора, во всю его ширь, простирался влажный зеленый лист какого-то тропического дерева. На самой его середине, слегка пошевеливая длинными усиками, сидело насекомое с красными крылышками.

– Сделайте погромче! – попросил жук.

Я увеличил в телевизоре звук, и из его динамиков послышались скрипы и клетотания, издаваемые тропическим насекомым. Краснокрылый жучок сучил задними лапками, подергивал остроконечным брюшком, как будто тужился.

– Интересно? – спросил я.

– Интересно, – ответил *Niprotomus*. – Не мешайте!

– Теп-теп-теп! – издавало краснокрылое насекомое. –

Теп-теп...

– Слышите? – шепотом спросил жук, как будто боялся спугнуть с экрана картинку. – Вы слышите?

– Слышу, – ответил я.

– Это он самочку приманивает! Видите, как тельце его вибрирует!..

– Брачный период? – поинтересовался я.

– Ага, – подтвердил жук. – Если ему повезет, то появится самочка!..

– Повезет.

– Почему вы так думаете? – продолжал шептать *Niprotomus*, и я вдруг почувствовал, как по моему животу разлилась какая-то теплая, приятная волна.

– Потому что эта передача... – ответил я, – про жизнь насекомых, и если в ней показывают брачный период, то самка обязательно появится!

– Логично-логично!.. – занервничал жук и пошевелился под кожей.

– Можно сидеть спокойно? – попросил я, и как раз в этот момент на влажный зеленый лист впрыгнул еще один краснокрылый жучок, застыв на его краешке.

– Вот она! – в восторге шепнул *Niprotomus*. – Он сумел ее приманить!

Дальше все происходило, как положено происходить в обычном фильме про жизнь насекомых. Самец раскрыл крылышки, показывая самочке прозрачные подкрылки, приподнял задние лапки и засучил ими по брюшку, подзывая клетотанием свою избранницу.

– Теп-теп-теп!

Самочка очень медленно, пятясь, придвинулась к самцу и

зашевелила краешком брюшка, выказывая свое согласие на соитие.

В этот момент произошло то, что вызвало у меня по крайней мере сильнейшее удивление!

Я думаю, милая Анна, что могу вам об этом рассказать, так как уверен, что этот факт не вызовет у вас внутреннего протеста, а наоборот, вы поймете меня, как человек, страдающий тем же недугом, а стало быть, переживающий такие же его последствия.

Так вот, по мере того как на экране происходили события из интимной жизни насекомых, с моим организмом случилась вещь поистине необыкновенная, если исходить из того, что я классический парализованный ниже пояса.

Впервые за много лет я ощутил, как ноги мои согрелись до колен, живот затвердел, а все то, на что я не смел и надеяться, вдруг произошло, воспряло в необычном стремлении и желании, заставляя дыхание ускоряться, а руки сжиматься в кулаки.

Между тем самочка дотронулась до тельца самца своим брюшком, тот подпрыгнул и опустился на ее спинку, поджимая под себя острую сабельку, вылезшую из тельца. Сабелька проникла в брюшко самочки и зашевелилась внутри избраницы, раскачивая ее тельце из стороны в сторону.

Я был настолько удивлен событием, со мною происходящим, что отбросил в сторону одеяло и смотрел во все глаза на чудо, свершившееся с моей плотью.

– Теп-теп-теп! – клекотал краснокрылый жучок.

– Теп-теп-теп! – вторила ему самочка.

Господи, у меня было такое ощущение, что чьи-то ласковые руки гладят мое тело, пробегаясь нежными пальчиками от груди до самого живота! Мне казалось, что кто-то невидимый питает мое тело живительными соками жизни, заставляя плоть взметаться, пугая своей непривычной огромностью!

– Теп-теп-теп!

– Теп-теп-теп!..

Ах, милая Анна! Глаза мои закрылись сами собою, предо мною возник ваш призрачный прозрачный образ, такой невероятно далекий и такой вместе с тем близкий, что казалось, протяни руки, и пальцы смогут коснуться вашего лица, вашей шеи, ощутить мягкость и тепло кожи!.. Господи, как безумно мечтается открыть все ваши тайны!

Ах, Анна! Почему мы так далеки друг от друга?!

Сабелька краснокрылого жука последний раз вздернула тельце самочки, затем выскочила на волю, опалаясь лучом солнца, и исчезла в брюшке самца.

Что-то оборвалось внутри моего живота, запросилось толчками наружу, я задохнулся и почти заплакал от наслаждения.

Вжик! – и голова самца под мощным движением челюстей самочки отскочила от краснокрылого тела и, скатившись по зеленому листу, упала куда-то к корням деревьев.

Мою кожу изнутри пробила игла *Hiprotomus*'а, и я, стиснув зубы, застонал от боли, пришедшей после наслаждения.

– Ох, ох! – слышал я тяжелое дыхание жука. – Ох!.. Какое все-таки варварство!

– Вы о чем? – не понял я, переводя дух.

– После любви отгрызать голову! – пояснил жук.

– Страсть.

– Ревность! – не согласился *Hiprotomus*.

– Почему?

– Чтобы он более никому, кроме нее, не доставил такого наслаждения! У этого вида, видимо, матриархат! Самец сделал свое дело, оплодотворил ее, а потому более не нужен виду. Она ему – хрясь – и голову отъела!

– Что со мною произошло? – спросил я.

– Вы о чем?

– Я не из тех, кому нравятся насекомые! Во всяком случае, они мне нравятся не настолько, чтобы возбудить во мне желания, давно умершие!

– Ах, вы об этом! – догадался *Hiprotomus*. – Я же вам говорил, что я – приобретение, а вы мне не верили! Вашими глазами я наслаждался тем, что нравится мне, а вы моими органами чувствовали то, что вам недоступно. Взаимозаменяемость!..

Поздним вечером того же дня я вновь включил телевизор, настраивая приемник уже не на канал для Путешественников, а на эротическое шоу, благо кончалась суббота. Мне еще

раз хотелось испытать то крайнее наслаждение, но не чувственности одной ради, а для закрепления в сознании давно забытых ощущений.

"Марсианские хроники" – так называлось шоу. Сюжет его был чрезвычайно прост. Юная марсианка прилетает на космическом корабле на Землю и встречает романтического юношу-землянина, единственного ученого, кто считает, что на Марсе есть жизнь. Все прочие жизнь на Марсе отрицают, а потому девушка влюбляется в романтического юношу. Остальное время фильма герои познают телесные особенности друг друга, восторгаясь совершенством природы, для эротизма которой даже космические расстояния не помеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.